

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ
ЯЗЫКЕ!

ЧЕРНЫЕ ПАРУСА

АЛАСТЕР
РЕЙНОЛЬДС

Звёзды новой фантастики

Аластер Рейнольдс

Черные паруса

«Азбука-Аттикус»

2019

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-445

Рейнольдс А.

Черные паруса / А. Рейнольдс — «Азбука-Аттикус»,
2019 — (Звёзды новой фантастики)

Когда-то Адрана и Арафура Несс мечтали о путешествиях, приключениях и богатствах. Теперь им принадлежит космический парусник «Мстительница», однако вместе с кораблем сестры унаследовали чудовищную репутацию его прежнего владельца. Вынужденные скитаться по мрачным задворкам обитаемого космоса, они придумывают план, который позволит им вернуться в гостеприимные края, а потом разгадать важнейшую для человечества загадку тринадцати Заселений, узнать, как и почему в окрестностях Старого Солнца возникали очаги цивилизации. Но это весьма непростая задача, когда по пятам идут старые и новые враги, а еще со своим кораблем неразлучна зловещая тень пиратского капитана. Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-445

© Рейнольдс А., 2019
© Азбука-Аттикус, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	33
Глава 5	44
Глава 6	52
Глава 7	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Аластер Рейнольдс

Черные паруса

Посвящается маме, с неизменной любовью и благодарностью

Alastair Reynolds
SHADOW CAPTAIN

Copyright © 2019 by Dendrocopos Limited First published by Gollancz, a division of The Orion Publishing Group Ltd., London
All rights reserved

© Н. Г. Осояну, перевод, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

Глава 1

– Расскажи, что, по-твоему, ты видела.

– Да ничего особенного, – сказала Сурт, с которой мы сидели в обзорной рубке бок о бок, в двух соседних креслах. – Видно, не стоило мне упоминать об этом, очень уж дерганая у тебя сестра.

– Не вздумай переживать из-за Арафуры. Если ты что-то видела, мы все должны об этом знать.

– Но если бы здесь шнырял еще один корабль, мы бы увидели его на подметале?

– Сурт, подметала не безупречен. Вот почему мы следим за парусными вспышками. В подходящих условиях их можно заметить на гораздо большем расстоянии, особенно через телескоп. Ты ведь смотрела в трубу с большим увеличением, верно?

Сурт смутилась:

– Я даже не пыталась отыскать корабль. Просто таращилась на миры, надеясь хоть одним глазком увидеть родину. Фура же не рассердится на меня, правда?

– Конечно нет, – тихо ответила я, чуть поворачивая прицельное колесо. – Такое случалось с каждым, и стыдиться тут нечего. Чутьочка тоски по дому не скажется на нашей преданности команде.

– Я, наверное, даже не глядела туда, куда надо. Так и не научилась разбираться в таблицах и схемах, как все вы. Моему котелку по нраву машины, а не цифры.

– Не расстраивайся. У всех сложности с этими таблицами – за исключением разве что Паладина.

Она опустила голову и помолчала несколько секунд.

– Адрана, а ты когда-нибудь его искала?

Я кивнула, понимая, что она имеет в виду.

– Мой родной мир? Да. Время от времени. Но не думаю, что по-настоящему его нашла, – по крайней мере, биться об заклад не стану.

– Он называется Мазариль?

– Да.

– Миленько.

– На деле он не очень-то милый. Просто коричневый камень с зелеными вкраплениями. Слишком темный и убогий, за несколько тысяч лиг не разглядишь. Наши родители переехали туда, не найдя лучшего местечка по средствам в Солнечных Краях, – и, сдается мне, Мазариль так и не стал для них настоящим домом.

– Ваши родители остались там?

– Нет... не совсем. Мать умерла довольно давно. Она заболела, когда по мирам в очередной раз прошлась какая-то хворь и у нас не было денег на хорошего доктора или полет к пришельцам. Может, и они бы не смогли ей помочь...

– А твой отец? – резко спросила Сурт, прерывая мои размышления.

Что-то во мне туго натянулось, как снасти при попутном ветре. С тех пор как мы взяли на себя управление этим кораблем, нам с сестрой пришлось столкнуться с трудными переменами. Она стала другой, а я все еще продолжала меняться после тех неприятностей, которые пережила в комнате доброты. Как правило, мы собирались с силами и обсуждали эти вещи открыто, по крайней мере между собой. Если вспомнить, как однажды дошло до того, что я приставила нож к ее горлу, то разговор был единственным способом восстановить доверие, которое мы разделяли с детства.

И все-таки, как бы мы ни пестовали в себе благотворную искренность, на тему отца я не смела даже заикаться.

– Какой трубой ты пользовалась, когда увидела вспышку?

Я так нагло ушла от ответа, что Сурт аж заморгала, но у нее хватило ума не давить.

– Вот этой, Адрана, – сказала она, поворачивая одну из труб и открывая крышку окуляра.

– Похоже на правду. Оптика во всех телескопах первоклассная, и зеркала хорошо посеребрены, но этот она, должно быть, совсем недавно велела откалибровать. Я не прочь поспорить, что это одна из лучших подзорных труб на любом корабле во всем Собрании.

– Жаль, что она не придумала для ее применения повода приятнее, чем смертоубийство.

– Да, у нее имелись кое-какие недостатки, – сказала я с улыбкой, чтобы Сурт поняла всю иронию моего преуменьшения. – Но уж по части снаряжения она обладала превосходным вкусом.

До недавнего времени наш парусник принадлежал женщине по имени Боса Сеннен. Боса называла свой корабль «Алой дамой», но у ее врагов он давно заслужил второе, почти официальное название: «Рассекающая ночь». Это был намек как на его любимые места обитания, в темноте за пределами миров, так и на черноту корпуса и парусов. Боса пользовалась этим, чтобы выслеживать другие корабли, красть их добычу и убивать экипажи, за исключением тех немногих матросов, кого она забирала для своих собственных целей. Так продолжалось гораздо дольше, чем длится обычная человеческая жизнь, потому что Боса Сеннен была в той же степени идеей, что и персоной, – идеей, которая могла прирасти к любому индивиду, чтобы послужить ему или поработить его, прежде чем перейти к кому-то другому.

Меньше года назад Боса допустила первую из двух серьезных ошибок. Она выследила и захватила корабль «Скорбящая Монетта», на котором служили мы с сестрой: это был первый раз, когда мы покинули Мазариль, и первый полет на таком корабле. Арафура сбежала, я – нет, и из-за моего умения общаться с костями Боса решила взять меня в команду, а не убивать. Поэтому она стала переделывать меня на свой лад, применяя психологические, химические и электрические методы пыток, принуждения и трансформации личности.

Несколько месяцев спустя случилась вторая ошибка. Боса бросилась в погоню за другой командой и попыталась захватить ее, не подозревая, что это ловушка, устроенная Арафурой. План моей сестры был жестоким и умным. Она спасла меня и взяла в плен Босу, и мы вместе с командой Арафуры заполучили черный корабль.

«Рассекающая ночь» нуждалась в новом имени, и мы его дали.

«Мстительница».

Она принадлежала нам уже три месяца – три долгих месяца, на которые пришлась смена года. Наступил 1800-й, то есть с момента документально подтвержденного начала Тринадцатого Заселения прошло восемнадцать веков. Новый год был ярким и блестящим, как булавка на дамской шляпке, и казался благоприятным для начала нашего собственного предприятия. Мы хотели кое-чего добиться. Не как убийцы или пираты, а как честные каперы – по крайней мере, как разумники, которым охота и дальше бороздить космические просторы, а не вернуться в родные миры. Пока что мы не определились, кто чего хотел на самом деле, и мало об этом говорили. Но каким бы ни было решение, коллективное или личное, мы теперь не имели возможности просто взять и войти в оживленное торговое пространство Собрания.

Нас разнесут в щепки, едва заметив.

Все дело в том, что мы-то знали как собственную суть, так и обновленную натуру нашего парусника. Но остальной цивилизации эти факты были неведомы. Для прочих кораблей, а также богатых миров, картелей и банковских концернов, стоявших за организованными экспедициями, Боса Сеннен жила и здравствовала. Потребовалось бы нечто большее, чем просто любезное уведомление от нас, чтобы не осталось вопросов, тем более что в длинном послужном списке Босы хватало примеров как раз такого обмана.

Так что в течение трех месяцев у нас не было другого выбора, кроме как прятаться.

По правде говоря, время было потрачено с пользой. Сначала пришлось научиться управлять «Мстительницей», и это заняло недели – много недель. Мы были вынуждены подключить то, что осталось от нашего старого семейного гувернера и ментора, к нервам корабля, и машинный разум Паладина постепенно взял под контроль навигацию, парусное вооружение и бортовые орудия. Затем возникла необходимость пополнить запасы основных расходных материалов, включая топливо, а для этого требовалось взломать несколько легких шарльеров, войти в них и утащить сокровища, которые не забрали до нас. Мы сделали это и доказали, что способны управлять кораблем и выполнять функции экипажа. Но все же каждый раз, когда мы вели катер обратно, взлетев с поверхности шарльера, приходилось вспоминать о том, как выглядит наш корабль снаружи.

Как хищник.

Чудовище с черным корпусом и черными парусами, с грозным силуэтом, который совершенно невозможно принять за какой-то другой корабль, кроме «Рассекающей». Мы собирались изменить облик «Мстительницы», но на это требовалось время, а пока не осмеливались чересчур спешить. Маловероятно, что здесь, на этих темных далеких орбитах, кто-нибудь случайно наткнется на нас, но если все-таки это случится, нам понадобится все имеющееся в распоряжении оружие, просто для самообороны.

Вот так-то – мы ненавидели Босу и при этом испытывали циничную благодарность за качественное снаряжение, которое она нам оставила.

Ее дальнегоглядные телескопы могли бы стать предметом зависти для любого мазарильского музея и, конечно, превосходили оптические приборы на «Скорбящей Монетте», которая и сама была прекрасно укомплектована. О них хорошо заботились. Их трубки были покрыты гравировкой, кожа оставалась гладкой и черной, а хорошо смазанные подвижные прокладки – там, где трубы пронзали стеклянный пузырь обзорной рубки, – надежно изолировали помещение от вакуума. А еще телескопов было много, и их окуляры целились в нас, как стволы расстрельной команды.

– Ты правда думаешь, что это была парусная вспышка? – рискнула спросить Сурт.

– Это более чем возможно. – Я прижалась глазом к линзе и повернула ручку фокусировки. – Если корабль преследует нас или подбирается к шарльеру, чтобы завладеть нашей добычей, то его капитан очень старательно контролирует расположение парусов относительно Старого Солнца, чтобы они не отбрасывали свет в нашу сторону. Но иногда этого не избежать.

Я начала с того, что осмотрела довольно широкую зону, заметила красное мерцание шарльера, вокруг которого мы вращались, и прикинула вероятность того, что попавший в окуляр отблеск сбил Сурт с толку. Маловероятно. Оптика хорошая, и Сурт пришлось бы смотреть почти прямо на шарльер, чтобы увидеть его розовато-красный свет.

Убедившись, что ответ следует искать где-то в другом месте, я провела телескопом туда-сюда по более узкой дуге, изучая область, в которой Сурт, по ее словам, увидела вспышку.

– Может, это что-то другое. Космический мусор или навигационное зеркало, уплывшее далеко от главных торговых путей. Или сотня других вещей, ни одна из которых не имеет значения.

– Надо было мне записать координаты, когда я увидела вспышку.

– Ты сделала все, что могла, Сурт. Главное – довести проблему до моего сведения, а ты так и поступила.

– Ты всегда была добра ко мне, Адрана.

– Просто каждый из нас старается изо всех сил.

– Верно, и думаю, Фура тоже это знает, но она бывает резкой со мной, если я делаю что-то не так.

– Не обращай внимания. – Я снова отрегулировала угол обзора. – Без тебя мы бы все еще пытались заставить Паладина снова заговорить, не говоря уже о том, чтобы управлять кораблем. Арафура прекрасно это знает.

– Как думаешь, ей понравится, если я буду звать ее Арафурой? Мне казалось, что она предпочитает имя Фура.

– Так и есть. Думаю, она считает, что «Фура» больше подходит для ее нынешнего звания. Короче и жестче.

– Как Боса, – сказала Сурт, довольная тем, что провела такую параллель.

– Нет, – твердо ответила я. – Нет, не так. И никогда не будет так.

– Я не хотела проявить неуважение, Адрана. Ну вот, опять что-то напутала. Лучше бы мне помалкивать. И держаться подальше от ручек и бумаги. Все равно получают одни каракули.

– Ты часть команды, Сурт, и достойная часть.

Я решила не быть слишком суровой к ней из-за того, что она не записывала свои наблюдения. Еще совсем недавно Сурт не умела ни читать, ни писать, и она все еще не привыкла пользоваться ручками и бортовыми журналами. Когда я проверяла записи вахтенных, ее были в кляксах, исчерканные и неполные.

Впрочем, она набиралась опыта, и мне больше не приходилось ее поучать. У нас было слишком мало рабочих рук, чтобы ими пренебрегать.

– Что-нибудь заметила? – с надеждой спросила она, когда я перешла к другому окуляру.

– Ничего, – сказала я, просмотрев еще несколько секторов. – Нисколько не сомневаюсь в том, что ты не ошиблась. Но едва ли нам следует беспокоить Фуру из-за одной вспышки. – Я намеренно использовала сокращенное имя, предположив, что это успокоит Сурт, и втайне решила, что постараюсь в мыслях называть сестру так же. – Может, когда мы получим то, за чем пришли, и обсудим наш дальнейший курс, я упомяну об этом мимоходом. Но за твои действия тебя никто не упрекнет.

– Надеюсь. Даже если она пустит в ход свой острый язычок, не имею ничего против... Слова мне не страшны, а вот другую ее сторону не хотелось бы увидеть.

– Как и всем нам, – пробормотала я под нос.

* * *

Наш катер рывком оторвался от причальной стойки и аккуратно проскользнул между челюстями «Мстительницы» в открытый космос. Через главный вход я наблюдала, как зубы сомкнулись, закрывая озаренный красным светом док, стирая единственное пятнышко света и цвета на миллионы лиг вокруг. Пока Фура не пустила в ход ракетные двигатели, отчего на корпусе заиграли медные блики, эта острозубая ухмылка была единственной видимой частью корабля.

Моя сестра использовала ракетные двигатели экономно, зная, что у нас мало химического топлива. Со своего места позади главного кресла я наблюдала за ней с тихим восхищением. Она проделала долгий путь с тех пор, как капитан Ракамор впервые взял нас на свой катер по моему наущению.

– Уверена, что никто не вычистил это место прежде нас? – спросила она, на секунду развернувшись в кресле, прежде чем снова сосредоточиться на пульте управления.

– Уверенней некуда, – ответила Прозор, сидевшая напротив меня с блокнотом, изрисованным схемами шарльеров и напоминаниями самой себе, а также с очень дорогим карманным хронометром, нажимая большим пальцем на кнопки запуска и остановки, как будто ей нужно было убедиться, что они все еще работают. – Рэк приходил сюда снова и снова, и не было никаких признаков того, что кто-то еще проявлял интерес. Главным образом потому, что

здесь нет ничего стоящего, по крайней мере в неглубоких слоях, и вечно не хватало времени идти глубже. Даже для целеустремленной команды, какой мы определенно были.

В носовых иллюминаторах катера появился шарльер. Его было трудно рассмотреть, хотя нас разделяло менее двадцати лиг. Поле все еще работало, скрывая каменную глыбу. В отличие от предыдущих полей, какие нам случалось видеть, оно было тонким и тусклым, как дымка над поверхностью скалы.

– Меня мучает один вопрос, – сказала Страмбли. – К чему нам это место, если им никогда не интересовался никто, кроме Ракамора. Ты только что сказала, что сокровищ тут нет.

Она упражняла пальцы, сжимая маленькую металлическую штуковину с пружинами.

– Смотря что ты подразумеваешь под сокровищем, – сказала Фура, вытягивая шею, чтобы посмотреть на Страмбли. – По моему разумению, сокровище – это то, что больше всего нужно отдельно взятому разумнику здесь и сейчас. Не важно, сколько ему лет, миллион или месяц, главное – его непосредственная ценность. Все золото Собрания бесполезно для того, кто израсходовал последнюю каплю дышали. Мы еще не в той лодке. Но что нам действительно очень нужно, так это топливо.

– Рэку это место служило складом с припасами, – объяснила Прозор, оглядывая всех нас, кроме Фуры, то есть оглядывая Страмбли и меня.

Для экспедиции в шарльер собрали минимально необходимый отряд, оставив Сурт и Тиндуфа на борту корабля. Паладин, видимо, тоже был членом экипажа, но никто из нас не имел привычки считать его таковым.

– Топливо для катера. Прекрасный запас. Рэк считал, что корабль нагружать не следует – поменьше брони, поменьше вооружения. Экипаж – толковый, но малочисленный, чтобы не делить трофеи на слишком много долей. Он не хотел таскать с собой полный трюм ракетного топлива, так что «Монетта» всегда несла ровно столько, сколько требовалось для дела, и он знал, что сможет вернуться на Грохотун, когда понадобится дозаправка.

– Значит, мы расходует драгоценное топливо, – сказала Страмбли, нахмурившись так сильно, что ее перекошенное лицо еще сильнее скривилось, – чтобы добыть побольше топлива.

– Не такая уж сложная идея для твоего серого вещества. – Фура улыбнулась нашей открывательнице ласковой, хоть и раздраженной улыбкой. – Все равно что положить пистоль в банк, чтобы он превратился в два пистоля.

– Я бы попросила не упоминать о банках. – Прозор редко упускала возможность напомнить нам, что потеряла свои сбережения в крахе девяносто девятого года.

– Нужно очень верить в банки, чтобы положить на депозит свой последний пистоль, – пробормотала Страмбли. – А это топливо для нас именно он и есть.

– Вовсе нет, – сказала Фура. – Ты ошибаешься. Но нам действительно нужно больше горючего, и если придется сжечь его, чтобы заграбастать склад Рэка, так тому и быть. – Она обратила сияющее лицо к нам с Прозор. – Кроме того, я бы сказала, что теперь это наш запас, не так ли? Мы последние из команды Рэка, так что вряд ли у какого-нибудь другого разумника есть больше прав на это место, чем у нас.

– Типа того, – сказала я.

– Быстро войдем, – говорила она, уже работая рычагами управления, направляя нас ближе к шарльеру. – Возьмем, сколько нужно, и не больше. То, что имело смысл для Рэка, имеет смысл и для нас. Согласна, Прозор?

– Истина, как она есть, – произнесла Прозор с привычной уклончивостью. Она захлопнула блокнот с описаниями шарльеров и застегнула замысловатые крючки, как будто не рассчитывала его снова открывать до последнего вздоха Старого Солнца. – Допустимая погрешность – как всегда, я правильно поняла?

– Такая же, какую принимал Рэк, – сказала Фура.

– Ну, у Рэка было несколько преимуществ, которых мы лишены. – Прозор намекала (если я хоть как-то научилась понимать то, о чем она не говорила вслух) на тщательно подобранную команду, а не на компанию людей, которых свела судьба, однако остаток своего заявления она тактично не озвучила. – Ладно, пусть будет обычная погрешность. Заканчиваем наряжаться. – Она покосилась на свой хронометр. – Пять минут до исчезновения поля.

С соображениями практичности не поспоришь, и к тому же мы уже надели вакуумное снаряжение, за исключением шлемов и последних соединительных элементов. Мы унаследовали очень славный корабль, полный прекрасного оборудования, но никто бы не догадался об этом по пестрому виду нашего отряда. Скафандры представляли собой мешанину деталей из сплавов коричневого и ржавого цвета, вырезанных и сваренных вместе с осторожностью и вниманием, но без особой заботы о красоте конечного результата. Мы были уродливы и неуклюжи, как человекоподобные фигуры, которых соорудили из содержимого лавки старьевщика. Почему мы не воспользовались какими-нибудь симпатичными скафандрами, оставленными Босой? Потому что среди них не нашлось подходящих для такой работы. Боса не пачкала руки, роясь в шарльерах. Она позволяла другим экипажам заниматься этим в свое удовольствие, а затем нападала на них ради трофеев. От Босы мы унаследовали несколько красивых черных вакуумных скафандров, но они предназначались для abordaja и потрошения других судов, так что оставалось лишь вытащить уцелевшее дрянное снаряжение из остова «Пурпурной королевы», принадлежавшей капитану Труско.

Мы проверили скафандры друг друга, защелкнули шлемы, подтянули лицевые щитки, убедились, что все шланги и уплотнения надежно закреплены, помахали руками и ногами, сделали вид, что приседаем и хлопаем крыльями. Страмли обошла нас с масленкой, капая в движущиеся части. Я сгибала и разгибала пальцы в перчатке до кровавых мозолей. Мы проверили трещальник – связь между скафандрами; я постукивала пальцем по шлему Прозор, пока ее голос не зазвучал четко. Фура все еще управляла катером, но, продолжая сидеть в кресле, позволила другим суетиться вокруг себя: вытянула предплечье, словно королева, ожидающая, что ей поцелуют руку. В данном случае это была ее правая рука, механическая от предплечья до кончиков пальцев. На здоровой она носила обычную защитную перчатку, а на искусственной – тугую манжету вокруг локтя, не обременяя металлический протез, что позволяло осязать с большой различительной способностью всякие предметы в вакууме. Манжета была неудобной и сложной в настройке, так что Страмли проверила ее на герметичность.

Прозор снова посмотрела на часы.

– Одна минута, – сказала она на этот раз по трещальнику, и голос звучал одновременно далеко и близко, потому что в катере все еще была атмосфера.

Фура сбросила скорость для последнего захода. Казалось, простирающийся внизу мир покрыт беспокойным морем цвета копоты. Поле волновалось, кое-где становясь непрочным. Сквозь него проступали фрагменты поверхности, покрытые вертикальными скальными образованиями, похожими на зазубренные шипы какого-то броненосного животного.

– Тридцать секунд, – сказала Прозор. – Поддерживай скорость спуска.

– Не похоже, что он готов лопнуть, – опасливо заметила Страмли.

– Лопнет, – сказала я, понимая, насколько маловероятно, что Прозор ошиблась в своих ауспициях.

Последние пятнадцать-двадцать секунд поле как будто мерцало, и это мерцание ускорялось – мы словно наблюдали за вращением раскрученной монеты, которая движется все быстрее и дрожит, а потом резко останавливается. Это была предсмертная песнь поля, и когда оно исчезло, то исчезло мгновенно, и внизу остался только голый камень, от полюса до полюса покрытый шипами.

Было темно. Одна сторона шарльера была обращена к Пустоши, другая – к Старому Солнцу. Мы находились в десяти миллионах лиг от внешних орбит Собрания, поэтому свет

дряхлой звезды, пробравшийся к нам сквозь промежутки между тысячами миров – нет, скорее миллионами, – уже потускнел и выцвел. Когда этот измученный путешественник падал на шарльер, ему хватало сил лишь нанести несколько красных и фиолетовых бликов на каменные иглы, намекая на мрачные тайны, заточенные у их основания. На стороне, обращенной к Пустоши и озаренной только светом далеких звезд – столь далеких, что даже тем из нас, кто побывал в Тревенце-Рич, было сложно осмыслить своим обезьяньим умом подобное расстояние, – шарльер был почти таким же черным, как паруса самой «Мстительницы».

– Видишь что-нибудь знакомое? – адресовала Фура свой вопрос Прозор.

Та запустила на одном из циферблатов своего хронометра отсчет времени с момента отключения поля.

– Дрейфуй на север. Вон тот пучок шипов – ориентир.

– Они все выглядят одинаково, – проворчала Страмли.

– Не для меня, – парировала Прозор.

Фура выровняла нас над вершинами шипов. Глядя поверх ее облаченных в металл плеч на датчики топлива, я видела, как дергаются стрелки, когда ей приходится использовать импульс тяги, чтобы мы, дрейфуя, не слишком приблизились к острым скалам. Прозор уже сообщила, что в Грохотуне есть поглотитель, и это еще больше осложнило нам задачу – ведь предстоит тащить обратно тяжелые бочки с топливом.

– Продолжай, Проз, – сказала Фура.

– Опустись пониже. Пройди между вон той парой шипов.

– Маловат промежуток.

– Нам шире и не нужно. Наш катер не крупнее того, которым пользовался Рэк, а он проскакивал тут много раз.

– Поверю на слово, – сказала Фура.

И хотя я видела только затылок сестры в шлеме, мне представилось, как она прикусила язык от сосредоточенности.

Мы скользнули между шипами, направляясь вниз. Становилось все темнее, тени переkreщивались, пока не изгнали последние скудные отблески света. Фура включила фонари катера, желтые лучи пересекли вакуум и заплесали по раздутым основаниям каменных шипов.

– Вижу посадочную зону, – сказала Прозор. – Прямо по курсу. Продолжай спуск, и все будет славненько.

– А почему это место называется Грохотун? – спросила Страмли.

– Адрана, – обернулась ко мне Фура, – считывай высоту, пожалуйста.

– Ну конечно, – одними губами произнесла я и перебралась к ее консоли, где могла видеть медленно вращающиеся цифры высотомера. Прибор был похож на подметалу на «Мстительнице», только импульсы посылал не во все стороны, а вниз, на поверхность, измеряя отрезок времени до их возврата. – Сто пядей, – сказала я, когда цифры достигли этого круглого числа. – Девяносто. Восемьдесят.

Зажужжала консоль, вспыхнула красная лампочка. Фура зарычала.

Я узнала этот огонек. Предупреждение насчет топлива.

– Только не говори, что все отмерила впритык, – прошептала я.

– Нет смысла возвращаться домой, если не найдем запасы Рэка, – так же тихо ответила Фура.

– Поверить не могу...

– Следи за высотой, сестра.

Хотелось огрызнуться – свою просьбу она произнесла как приказ. Но поскольку мне не меньше, чем Фуре, хотелось, чтобы мы не разбились, я решила смирить гордыню и оглашать цифры.

– Шестьдесят.

– Боковой дрейф, – сказала Прозор.

Фура кивнула:

– Корректирую.

– Пятьдесят пядей, – проговорила я пересохшими губами. – Сорок.

Фура передвинула еще один рычаг. В брюхе катера залязгало и зажужжало – машина выставила паучьи посадочные ноги, слишком хрупкие и нескладные, чтобы их можно было развернуть раньше. Теперь пламя дюз в такт заиканию наших двигателей высвечивало все больше деталей окружающего рельефа: повсюду вздымались шипы, как огромные окаменевшие деревья в сказочном лесу.

– Обратный поток, – сказала Фура. – Переходим на посадочные двигатели.

– Без паники, – произнесла Прозор.

– Двадцать пядей! – выкрикнула я. – Десять!.. Пять!..

Посадочная площадка быстро приближалась – плоский выжженный круг, оплавленный многократным выхлопом реактивных двигателей. Опоры коснулись поверхности первыми, и корпус запрыгал вверх-вниз, поглощая часть нашего импульса.

– Посадочный сигнал, – сказала Фура, когда загорелся еще один индикатор. – Стоп машина.

Опоры согнулись, и катер приземлился на брюхо. Рокот двигателей стих, оставив только шипение и пыхтение наших дыхальных механизмов; кожистые мехи то сжимались, то разжимались.

Красная сигнальная лампочка все еще мигала, уведомляя о проблеме с топливом. Только теперь, когда мы сели и выключили двигатели, Фура щелкнула по ней пальцем, заставляя отключиться.

– Неисправный индикатор, – сказала она, поворачиваясь с широкой ухмылкой на лице. – Вы же не думали, что я настолько отчаянная?

Сквозь зарешеченное окно моего лицевого щитка я одарила ее натянутой улыбкой.

– Иногда я задаю себе такой вопрос.

– Сколько времени, Проз?

Прозор опустила забрало и посмотрела на хронометр.

– Шесть часов одиннадцать минут.

Фура отодвинула кресло пилота и встала из-за пульта.

– Тогда нам лучше не болтаться тут и не чесать языками.

Мы помогли Фуре закончить последнюю проверку ее скафандра, собрали вещи – каждая взяла часть снаряжения, а Страмли прихватила свой ящик со штуковинами, необходимыми для прохождения через двери и другие препятствия, – и попарно прошли через шлюз катера, поскольку он не мог обработать больше за один раз.

Мы вчетвером постояли рядом с катером, водя лучами наשלменных фонарей, чтобы лучше разглядеть окрестности. Катер едва поместился на посадочной площадке, и со всех сторон его зажимали основания каменных шипов, чьи вершины терялись во тьме. Ровная поверхность под ногами была новой – миллионы лет шарльер мотался вокруг Старого Солнца без этой площадки, а несколько столетий назад какой-то капитан ее здесь соорудил, чтобы было легче приходить и уходить.

– Что это? – спросила Страмли.

Мы все тоже почувствовали. Словно легкая дрожь пробежала под ногами, исчезнув так быстро, что мы едва успели заметить.

– Потому он и зовется Грохотун, – сказала Фура. – Какая-то глубинная активность, с которой, как сообщил мне достоверный источник, не стоит связываться. Верно, Проз?

– Верно. Далеко не пойдём. То, что происходит на глубоких уровнях, нас не касается. Говорят, это поглотитель ерзает в своей магнитной колыбели.

– Если никогда не увижу поглотитель вблизи, не расстроюсь, – пообещала Страмли.
Никто из нас не возражал, особенно Прозор.

Глава 2

Мы тронулись в путь.

На другом краю посадочной площадки был крутой пандус, ведущий внутрь шарльера и оканчивающийся дверным проемом. Вышеупомянутый поглотитель выдавал на поверхности половину «джи» – что звучит очень скромно для того, кто всю жизнь провел на цивилизованном мире вроде Мазариля, Граубунда или Метерика. Можно вообразить, что мы там прыгали, словно щенки, почти не ощущая веса скафандров.

Все было совсем не так.

За три месяца, прошедшие с тех пор, как мы захватили «Мстительницу», мы выходили за пределы корабля только для того, чтобы навестить шарльеры, и только у пары из них были поглотители. Все остальное время мы плавали внутри главного корабля и весили почти как перышко. Даже под парусами или на полной мощности ионных двигателей на борту «Мстительницы» никогда не ощущалось больше нескольких сотых «джи»: хватает, чтобы вызвать неудобство, но для хоть какой-то нагрузки на кости и мышцы недостаточно. Сург, оставшаяся на главном корабле, разбиралась в медикаментах и подыскивала пилюли и микстуры, которые не давали нашим сердцам слишком разлениться, а костям – раскрошиться подобно старым галетам.

Но то недолгое время, что мы провели под воздействием силы тяжести, созданной ракетными двигателями, ничуть не подготовило нас к операциям на поверхности шарльера. К тому времени, как мы, кряхтя и шаркая, добрались до подножия пандуса, я вспотела, как лошадь. А мы еще даже не вошли.

Утешало лишь то, что дверь в шарльер была открыта, как и обещала Прозор. Дверной проем представлял собой тяжелую арку из металла каменного цвета, отмеченную черными символами, с регуляторами и индикаторами, расположенными в углублениях вдоль обеих сторон. Эти символы ничего для меня не значили. Быть может, существовало всего тринадцать Заселений – тринадцать циклов с момента Раскола, во время которых люди расселялись по мирам Собрания. Но некоторые из этих цивилизаций просуществовали тысячи лет – достаточный срок, чтобы в пределах одного Заселения появилось и исчезло множество разных языков.

Традиционно древними языками и системами письма занимался оценщик. Но у нас сейчас не было штатного члена экипажа на этой должности, так что заниматься этим приходилось чтецу шарльеров или сканеру, то есть Прозор, которая достаточно долго странствовала по мирам, чтобы в крайнем случае выступить в роли оценщика или открывателя.

– Восьмое Заселение, – сказала она. – Думаю, Эпоха Двуглавых Владык. Времена были, что называется, бурные. Куда ни кинешь взгляд, везде открываются шарльеры и кто-то сражается за трофеи и власть. Много беззакония, много войн и революций, и все это за одно-единственное Заселение.

– Так мы просто... войдем, да? – спросила Страбли, прежде чем кто-то из нас успел переступить через темный порог.

Намереваясь перейти от слов к делу, она протянула руку в дыру.

– Подожди. – Прозор потрогала что-то с левой стороны дверного проема.

– В чем дело? – спросила Фура.

– Просто проверяю, на месте ли кое-что. На месте. – Прозор что-то сжимала между пальцами, слишком маленькое или тонкое, чтобы я смогла разглядеть. – Рэк натянул поперек двери линь, крест-накрест, сверху донизу. Ты его коснулась?

– Нет, – ответила Страбли чуть смущенно.

– В том-то и дело. Впрочем, я бы не узнала, если бы ты нарушила узор. Но Рэк бы понял.

– Значит, он бы сообразил, что здесь побывал чужак в его отсутствие, – сказала я, кивая, и подумала, что Боса не отказалась бы от подобной уловки.

Только в этом случае – если я хоть чему-то научилась, пока была ее протеже, – нить привела бы в действие мину или иное оружие.

В шарльере обстановка не бывает лишней.

– А Рэк мог оставить еще какие-нибудь сувенирчики? – спросила я, когда мы вошли друг за другом.

– Нет, сувенир всего один – и он чуть не выскользнул из моего серого вещества. – Прозор вытащила из пояса какую-то вещь размером с большой палец и протянула мне. – А вот об этом я не забыла. Нацель сюда свои лампы. Сурт помогла соорудить эту штуковину из причиндалов, которые мы вытащили из «Королевы».

– Это для чего-то нужно?

– Коротковолновый трещальный локализатор. Он замигает, когда подойдем близко к складу – если старушка Проз не забыла частоты. Вместе с топливом спрятан передатчик – в таком месте, где обычный вор-разумник не станет искать. Рэк не хотел, чтобы кто-то разграбил его тайник и ушел безнаказанным.

Я уставилась на кое-как собранное устройство, выглядевшее совершенно мертвым.

– Так у нас проблемы?

– Доверься мне, детка.

За дверным проемом начиналось подобие коридора, постепенно уводившего вглубь шарльера. Мы потеряли связь с главным кораблем, как только отважились сделать несколько шагов, но Прозор сказала, что этого следовало ожидать, – ничего необычного, по меркам шарльеров.

С обеих сторон были ниши с постаментами для статуй. То, что от этих изваяний осталось, выглядело так жалко, что даже потрогать не хотелось. Судя по тому, что мы видели в лучах наשלменных фонарей, все это были солдаты, одетые в чешуйчатые доспехи; их руки сжимали невидимое оружие.

Мы продолжали спускаться. Я посмотрела на локализатор, желая, чтобы сигнал зажегся. Но пока ничего не происходило.

Грохот повторился – такой же, как и прежде. Мне взбрело на ум, что у поглотителя несварение желудка: съел какую-то ерунду и теперь ворчит. Поглотитель не должен был ничего глотать после того, как его сковывали и помещали в центр мира, но иногда что-нибудь отламывалось и падало в него. Случалось так, что это запускало цепную реакцию: поглотитель объедался, делаясь все толще и тяжелее, и от маленького царства оставались только горячие обломки.

– Не слишком обнадеживает, – заметила я, глядя на безжизненный локализатор.

– Это была просто мера предосторожности, – беззаботно ответила Прозор. – А может, я и впрямь перепутала частоты. В моей башке случилось несколько протечек с тех пор, как Боса соорудила мне новую вмятину на черепе...

Устройство замигало.

– Прозор, – сказала я.

– ...или Жюскерель их поменяла и не сообщила мне, или в передатчике Рэка что-то скисло, или...

– Прозор, – повторила я тверже.

– Что это значит? – спросила Фура, склоняясь над устройством.

На конце «большого пальца» был узор из лампочек: крупная в кольце из маленьких. Центральная мигала ярко, но в кольце одна тоже пульсировала, указывая на коридор перед нами.

– Это значит, что мы на верном пути, – сказала Прозор. – А вы все сомне...

– Идем дальше, – перебила Фура.

Я держала устройство вертикально перед собой. Свет то вспыхивал, то гас, но в целом становился ярче и ровнее по мере того, как мы приближались к тому месту, где пол выравнивался. Там мы миновали еще один арочный проем, похожий на первый, а затем вошли в зал, слишком просторный, чтобы наши фонари могли его осветить полностью. Мы остановились на несколько секунд, а затем продолжили путь. Через трещальные приемники доносился лишь звук, с которым трудились дыхальные механизмы скафандров.

– Мы на месте, – сказала Прозор.

Фура повернулась к нашей открывательнице:

– Зажигай, Страмли.

Страмли открыла коробочку на поясе и порылась в нем со всем изяществом, какое позволяли вакуумные перчатки. Она извлекла световой росток – звездообразную штуковину размером с шарик для детской игры, – затем подержала его перед лицом, глядя с загадочным нежным сожалением, прежде чем сжать. Звездообразный предмет треснул, и между пальцами Страмли заиграло мерцание; когда же она отступила назад, мерцание осталось там, где было, подвешенное. Оно всколыхнулось и усилилось; мощно полился желтый свет, который быстро одолел наши фонари. Эта желтизна залила зал, разгораясь все ярче.

Страмли подвесила активированный световой росток между нами, так что наши собственные тени образовали жесткие спицы, доходившие до самых стен. Мы топтались на месте, а желтый свет колебался и плясал.

Зал был круглый, с куполообразным потолком. Он оказался по меньшей мере вдвое шире посадочной площадки, с большим количеством ниш по краям. В немногих были поверженные или разбитые солдаты, а прочие пустовали. Над нишами – длинные надписи на том же древнем языке, что и над дверью, через которую мы вошли.

Я замерла, осмысливая увиденное.

Я почти постоянно думала о глубокой древности вещей с тех пор, как мы вступили в эту новую жизнь среди миров и шарльеров, размышляла о бесчисленных эпохах и цивилизациях – тонких царапинах, оставленных человечеством на поверхности необъятной тьмы. Я говорила с Паладином о том, что ему довелось повидать, и углублялась в мудрые книги и карты, пытаюсь достичь точки, где подобные умствования дадут мне ощущение покоя и комфорта, а не головокружительной утраты. Но ничего не вышло – это оказалось выше моих сил.

Где-то там, за Пустошью, теперь сияли звезды, рожденные в газовых облаках после того, как был создан этот зал. Другие звезды в те времена были живы, а теперь они остыли, если вообще хоть что-то осталось. Прошлого было слишком много, времени утекло слишком много, и наши жизни кажутся жалкими песчинками на этой бесконечной черной конвейерной ленте, что убегает в ужасную вечность.

Если кто-то сказал, что побывал в таком месте и не ощутил безмерного давления минувших веков, могу с уверенностью заявить: он либо врет, либо заблуждается.

– Эй, Прозор, – сказала Страмли, деликатно кашлянув. – То самое место, говоришь?

– То самое, – ответила Прозор и прибавила чуть менее уверенно: – Должно быть тем самым.

– Тогда где же, черт возьми, мое топливо? – прорычала Фура, едва не сорвавшись на крик. – Если не в этом зале, а из него только один выход...

– Та нить на двери не настолько надежна, – заметила я. – Кто-то мог натянуть ее снова, когда уходил.

– Нет, локализатор все еще ловит сигнал, – возразила Прозор. – Если бы кто-то украл топливо, он бы украл и передатчик.

Световой росток излучал желтое сияние, паря в вакууме, как услужливая фея. Я понимала нежелание Страмли раздавить его. Световые ростки часто попадались в шарльерах, но были не настолько многочисленны, чтобы ничего не стоить.

– Есть еще одна дверь, – произнесла я тихо, потому что только сейчас заметила ее. – Смотрите, вон там, между двумя нишами, темнее, чем в других местах. Отсюда есть выход.

– Ты хочешь сказать, путь глубже в шарльер, – уточнила Страмли.

– Да, глубже в шарльер, – ответила я.

– Эта дверь всегда была заперта, – сказала Прозор. – Мы никогда ее не открывали, даже не пытались открыть. У Рэка не имелось причин... Это место всегда было для него лишь базой снабжения. По слухам, шарльер давно очистили от ценностей.

Я подошла к черному отверстию между двумя нишами, чтобы осмотреть его, хотя каждая клетка моего тела категорически протестовала.

– Направление есть? – спросила Фура, когда я поводила локализатором туда-сюда.

– Вроде есть. То ли под нами, то ли в стороне, за этой стеной. Ясно только одно: что устройство хочет, чтобы мы спустились в шахту. Это выбоины на полу?

Прозор подошла ко мне и, наклонившись, посветила фонарем.

– Не выбоины, – сказала она. – Металл, соскобленный с топливных бочек. – Она осторожно присела, и от сжатия из коленных суставов скафандра брызнуло масло. – И еще есть частицы краски. – Она подцепила пальцем цветную чешуйку, похожую на лепесток. – Топливо не могли унести слишком далеко, иначе локализатор не поймал бы сигнал.

– Мне это не нравится, – сказала Страмли.

– Тебе платят не за то, чтобы тебе это нравилось, – отбрила ее Фура, и это был перебор, потому что никто из нас не получал регулярного жалованья. – Если бы вскрывать шарльеры было легко, с этим справилась бы любая обезьяна. Мы здесь именно потому, что это нелегко. Проз, сколько осталось времени?

Прозор посмотрела на хронометр:

– Пять часов, впритык.

У нас ушел целый час, чтобы дойти до этого места. Любой экипаж мог рискнуть раз или два и не пострадать, но многократные походы в шарльеры требовали выдержки и силы духа. Экипажи, которые стремились жить долго и получать прибыль, всегда резервировали столько же времени на возвращение из шарльера, сколько тратили на проникновение внутрь, плюс солидный запас, учитывающий усталость членов экспедиции и отказ оборудования. А то и больше, если предполагалось тащить добычу из гравитационного колодца.

– Тогда мы пойдем глубже. – Фура сжала кулаки. – Это топливо – не какое-нибудь ничейное, приходи и забирай. Его тут складировал Рэк, потому что оно принадлежало ему. А теперь принадлежит мне.

– Под «мне», – сказала я, – ты подразумеваешь «нам». Просто чтобы не было путаницы.

– У нас нет снаряжения, – запротестовала Страмли. – Надо вернуться за лебедками, веревками и всем остальным, что может понадобиться.

Когда Фура покачала головой за окошком шлема, светлячок позволил легко разглядеть ее лицо. Паразит пылал ярче обычного, разжигаемый ее гневом и негодованием, образуя кошачьи полосы вокруг носа и на лбу.

– Мы сожжем еще больше топлива, если так поступим, и просидим тут три месяца в ожидании следующего окна. – Она повернулась кругом, оглядев нас по очереди. – Неужели вы забыли, кто мы такие? Мы команда, которая уничтожила Босу Сеннен! Команда, которая взломала Клык! И что же, у нас шестеренки заело из-за небольшой прогулки по туннелю?

– Рано или поздно нам понадобится это топливо, – проговорила я, не только оглашая факт для всех остальных, но и смиряясь с ним.

– Какой сюрприз, – пробормотала Страмли, качая головой. – Сестры Несс соглашаются друг с другом, когда им это выгодно.

– Так ведь они правы, – сказала Прозор. – А поскольку я работала в команде с человеком, который прятал здесь топливо, с человеком, который никогда не брал чужого, я тоже не могу не принимать случившееся близко к сердцу.

Признаюсь, мне и самой не понравилась мысль, что кто-то мог присвоить запас. Для тех из нас, кто знал Ракамора – а я считала знакомство почетным, хотя оно продлилось недолго, – эта несправедливость стала серьезным личным оскорблением. А еще она нам мешала. «Мстительница» едва ли нуждалась в топливе, при условии что паруса и ионные излучатели оставались в сносном состоянии. Такой большой и хрупкий корабль, как наш, редко подходил достаточно близко к гравитационному колодцу, чтобы причинить вред себе.

Но чтобы посещать шарльеры, а также торговать с заселенными мирами, экипажу требовался катер – корабль с ракетными двигателями, которые поглощали топливо в огромном количестве.

Мы поспорили о том, стоит ли разделять группу, но в конце концов решили держаться вместе и двинулись прочь от колеблющегося сияния ростка в темноту. Опять остались только наши лампы, наши тени впереди и длинные ряды ниш и сломанных солдат, уходящие все дальше. Но на полу отчетливо виднелись процарапанные металлическими бочками линии и следы краски там, где тащили наше топливо, причем не слишком осторожно.

Мы позволили локализатору вести нас дальше. Коридор спускался все ниже, местами становясь круче. Я представила себе наш путь в виде кривой с пустым залом посередине; теперь мы находились примерно в два раза глубже под землей, чем вначале. Огни локализатора сместились в сторону – почти туда же, откуда мы пришли, только горизонтально.

Грохот раздался снова, незадолго до того, как мы достигли конца коридора. Он ощущался сильнее, как будто мы оказались ближе к поглотителю. Так оно и произошло, но пройденное расстояние было ничтожным по сравнению с размером шарльера. Теперь этот грохот напомнил мне храп какого-то свернувшегося в клубок монстра, спящего в своей пещере, пока мы пытались тайком обогнуть его.

– У Рэка были забавные идеи насчет того, где лучше всего оставить свое с трудом заработанное имущество, – пробормотала я.

Я все еще обдумывала решения, которые привели капитана Ракамора к его бесславному концу, когда мы вышли в туннель, слишком большой, чтобы его можно было назвать коридором. Страмли откопала еще один драгоценный световой росток и, пробормотав что-то невнятное, раздавила его. В колеблющемся свете мы разглядели все, что нас окружало. Размеры первого зала были достаточно внушительны после того длинного коридора, но это оказалось нечто особенное, и какое-то время никто из нас не мог найти слов, достойных того, чтобы их произнести.

Туннель был идеально круглым, как водосточная труба. Мы вышли из дверного проема, расположенного в изгибе стены, почти на том уровне, где она переходила в пол. Потолок был примерно в восьмидесяти пядях над нами, и если бы мы построили башню, забравшись друг другу на плечи, то не достигли бы и половины высоты.

Что поражало даже больше, чем высота туннеля, так это то, как он тянулся в обоих направлениях, постепенно изгибаясь и сужаясь, пока его не поглощала тьма. Я предположила, не прибегая к математическим вычислениям (которые без ручки и бумаги были бы довольно сложным делом), что туннель огибает весь шарльер, прежде чем соединиться с самим собой.

В отличие от коридора, в туннеле не было ни альковов, ни украшений. Он мерцал каким-то маслянистым блеском, стены не нарушались дверными проемами, кроме одного позади нас и другого гораздо дальше, как раз в том месте, где тени брали верх. Мы все видели этот дверной проем, довольно далеко от того места, откуда вышли, и локализатор ясно указывал: *туда*.

– Как долго? – спросила Фура, нарушая затянувшееся молчание.

– Четыре часа тридцать три минуты, – сказала Прозор. – И, судя по тому, что я знаю о нас и наших скафандрах, понадобится двадцать минут, чтобы добраться до двери, не говоря уже о том, что находится за ней.

– Есть шанс уложиться, – решила Фура.

Прозор положила руку ей на плечо:

– Может быть, и так, детка, но я все-таки предлагаю постоять здесь, хотя бы недолго.

– Но почему? – спросила Фура.

– Потому что... у меня предчувствие, и оно мне не очень-то нравится. Я всегда слышала этот грохот, когда мы приходили сюда раньше, но он раздавался снизу и звучал слабо, и Рака-мору не требовалось идти глубже. Но теперь я взяла на себя труд кое-что посчитать, что давно следовало бы сделать, поскольку расчет времени – вторая натура у чтеца шарльеров.

– Продолжай, – сказала Фура.

– Грохот возникает слишком регулярно, чтобы он был связан с поглотителем, если только здешний не творит чего-то такого, чего другие никогда не делают. Раз в тридцать восемь минут. И можно заметить, что грохот становился тем сильнее, чем ближе мы подходили к этой трубе. Я думаю, для этого есть причина.

– Что-то приближается, – сказала я, глядя в темные недра туннеля с новым предчувствием. – По трубе, если это труба. Вот что, по-твоему, происходит.

– Возможно, я ошибаюсь. Буду рада, если так. Но думаю, не повредит выждать и посмотреть, что случится... – Прозор снова взглянула на часы, – примерно через семнадцать минут.

– Достаточно времени, чтобы добраться до двери, – сказала Фура.

– А может, и нет, – возразила я, напомним себе, что, хотя она спасла меня и подверглась серьезным неприятностям, я все равно остаюсь старшей мудрой сестрой.

– Я слыхала о шарльерах с такими штуками, – сообщила Прозор. – Просто никогда не сталкивалась с ними и, если уж на то пошло, не встречала никого, кто бы сталкивался. Крысиные норы, так их называют.

– Повезло, что ты вспомнила об этом сейчас, а не на полпути к двери, – сказала Фура.

– Меня грохот заставил задуматься. Эти крысиные норы чаще всего оказываются сломанными. Штуковины, которые ездят по ним вокруг шарльера, где-то застревают намертво и блокируют туннель. Тогда приходится идти длинным путем, в обход.

– Но здесь все по-другому, – сказала Страмли.

Мы все еще стояли в туннеле, и световой росток колыбался.

– И все-таки за семнадцать минут можно успеть, – повторила Фура.

– На Мазариле, – заговорила я, – когда поезда прибывали на станцию Инсер, они создавали большой ветер впереди себя. Двигался мусор, трепетали газеты и подола платьев, дамы хватались за шляпки, и только потом можно было ощутить сильный поток теплой дышали, с которым приближался поезд. И это не учитывая звук. Но здесь ничего подобного не будет. Никаких предупреждений, потому что в этом туннеле дышали нет. Ни ветерка, ни мусора. Ни звука, если не считать грохот. Эта штука просто выскочит из-за поворота, и мы увидим ее слишком поздно.

– Никогда не считала тебя самой осторожной из нас.

– Если бы мы вовремя вспомнили об осторожности, – ответила я сестре, – я бы и на миллион лиг не приблизилась к шарльеру. Но теперь, когда мы здесь, очень хочется остаться в живых, пока есть выбор.

Фура хмыкнула, явно разочаровавшись во мне, но моя точка зрения возобладала: мы протиснулись обратно в примыкающий наклонный коридор, а потом высунули оттуда головы в туннель.

– Мы даже не знаем, куда смотреть, – пожаловалась Страмли.

– Подбрось пистоль, – предложила Фура.

– Хочу увидеть, в чем дело, – настаивала Страмли.

И я прекрасно ее понимала. Все, что происходило в шарльере – во всяком случае, все, что удавалось пережить, – становилось полезным опытом, и полезность удваивалась, когда вы сталкивались с чем-то не совсем обычным. Это было более чем полезно: это было выгодно. Для начала можно продать информацию другим экипажам, но даже если решишь этого не делать, всегда будешь помнить, что видел или совершал, и это не навредит твоей репутации.

– Разделимся, – предложила я, улыбнувшись Страмли. – Мы с Прозор смотрим налево, Фура и Страмли – направо. Когда кто-то из нас что-то скажет, остальные смогут посмотреть куда надо. Но вертите головой попроворнее. Если эта штука огибает окружность шарльера за... Сколько ты сказала, Прозор?

– Тридцать восемь минут. Из которых осталось одиннадцать.

– Значит, она движется не прогулочным шагом. Думаю, скорость примерно как у поезда.

За те минуты, что нам оставались, сказано было немного. Прозор продолжала обратный отсчет, сообщая нам, когда срок укоротился до двух минут, до одной минуты, до тридцати секунд, до пятнадцати... А затем мы – кажется, все вместе – перестали дышать. Двое глазели в одну сторону, двое – в другую.

Мы с Прозор увидели его первыми.

Я представляла себе что-то вроде поезда с плоской мордой или гладкого поршня, заполняющего туннель от края до края, сверху донизу. Как выяснилось, мои догадки были от реальности дальше некуда. Грохочущая штуковина оказалась просто гигантским шаром, покрытым неровными металлическими пятнами. Он был восьмидесяти пядей в диаметре – величественный старинный особняк с Джонсери-роуд поместился бы в нем с запасом.

Я невольно подумала о том, что такая громадина должна в конце концов замедлиться. Возможно, внутри шарльера и не было никакого давления, но шар знай себе катился по коридору, боками царапая стены. Его поверхность была грубой на вид, а не отшлифованной, как у шарика из подшипника. Если следовать всем правилам и закономерностям, когда-то он должен был остановиться. Но что-то явно заставляло его двигаться, какая-то особенность шара или коридора, хитрая сила, компенсирующая ту крошечную долю импульса, которую он должен был терять с каждым оборотом вокруг шарльера.

Мне это совсем не нравилось.

Мы увидели, как он ударился о парящий световой росток и продолжил катиться вперед. Шар должен был раздавить росток, оставив от него только воспоминания, но в следующий миг мы его увидели – прилипшее к круглой поверхности светящееся пятно. После очередного оборота шара оно побледнело, а потом и вовсе исчезло без следа. Шар так или иначе прокатился мимо нас по пологой дуге и исчез во тьме туннеля, которая теперь, без ростка, сделалась гуще.

Прозор запустила таймер.

– Тридцать восемь минут до возвращения, – сказала она, выглянув из примыкающего коридора в туннель.

– А шар точно единственный? – спросила Страмли.

– Другого нет, – подтвердила Прозор.

– Что, если он ускорится, как только мы окажемся в туннеле?

– Этого не случится, Страм. Пусть я и не видела такие шары раньше, но есть правила, по которым они играют. Они не ускоряются.

Прозор пыталась успокоить Страмли. В последнее время такое случалось частенько. Было бы несправедливо назвать Страмли трусихой – все-таки в свою предыдущую команду она записалась в качестве открывателя, – но она оказывалась наименее устойчивой из нас, когда события хоть чуть-чуть отклонялись от плана. Это, в свою очередь, заставляло нас нервничать, а нервные люди совершают ошибки.

Прозор не нуждалась в напоминаниях на этот счет.

– Страм, – настойчиво продолжала она, – не спору, поиски топлива в таком месте – странное занятие. Но это всего лишь шарльер. Ходы здесь выкопали другие разумники, по причинам, которые мы не можем обсуждать. Тут есть вещи, непостижимые для нас. Но это не значит, что шарльер испытывает личный интерес к тебе, ко мне, к любой из нас. Все, что есть умного в нем, все, что могло бы реагировать на нас, приспособливаться к нашему присутствию, пытаться нас обмануть, – все это давным-давно износилось, сломалось. Остались лишь тупые штуковины вроде этого грохочущего шара, и я готова поспорить на мешок пистолей, что он не знает о нашем присутствии, а если бы и знал, не смог бы изменить свое поведение. Ставлю второй мешок пистолей: если мы вернемся через миллион лет, он так и будет кататься по шарльеру, тратя тридцать восемь минут на оборот.

– Я не испугалась, – сказала Страмбли чуть обиженно.

– А если бы и испугалась, я бы не стала тебя осуждать, – заверила ее Прозор. – Страх помогает. Но надо чутя, когда можно доверять шарльеру.

Страмбли не поддавалась на уговоры потратить еще один световой росток, так что пришлось обойтись нашлаемными фонарями, чьи лучи прыгали вверх-вниз, пока мы тащились по туннелю. Нам потребовалось пятнадцать минут, чтобы добраться до другой двери, – меньше, чем рассчитывала Прозор. И все это время сигнал локализатора становился сильнее и настойчивее.

Вторая дверь была расположена на той же стороне туннеля, что и первая, но вместо того, чтобы вести в коридор, забирающийся вверх, она открывалась на другую нисходящую шахту. Однако спуск был не настолько крутым, чтобы стать препятствием, и вскоре наши фонари начали выхватывать впереди признаки еще одного обширного пространства. Шахта выровнялась, и мы вошли в другой дверной проем.

Там-то и нашлось топливо. Мы прошли всего несколько шагов, прежде чем наши фонари высветили ребристый корпус бочки, затем еще одной и еще; каждая представляла собой окрашенный металлический барабан высотой с человека, с клапанами и датчиками снаружи. Они были поставлены друг на друга, в штабеля от трех до пяти штук. Это было сделано второпях, ни одна бочка не была выровнена с соседними, – казалось, высокие штабели можно без особых усилий повалить. Мы обошли штабели по кругу, затем осторожно протиснулись между ними, почти не разговаривая.

Мы все пришли к одной и той же мысли: события приняли непростой оборот.

– Их Рэк в таком виде оставил? – спросила Фура.

– Нет, – ответила Прозор. – В этом не было необходимости.

Большая часть помещения была пуста, лишь в середине высились башни из бочек, как своего рода скульптуры или элементы какого-нибудь святилища. В альковах, предназначенных для статуй, лежали кучи обломков, из которых торчали ступни или голени; пара темных дверей вела в более глубокие части Грохотуна.

– Нам придется вернуться с серьезным снаряжением, – покорно сказала Страмбли. – Веревки, талевые блоки, силовые лебедки, гидравлика. Если не это окно, то следующее.

– Мы за топливом пришли, – отрезала Фура. – И мы его забираем. Потребуется не один и не два толчка, чтобы перевернуть бочки, верно? Особенно если учесть, что здесь нет атмосферы?

Прозор поскребла перчаткой боковину шлема и запрокинула голову, рассматривая один из штабелей.

– Все зависит от того, что ты подразумеваешь под толчком, детка.

– Мы рискуем, – сказала Фура, как будто все было уже решено. – Мускульной силы не хватит, чтобы разобрать один из этих штабелей, так что придется просто опрокинуть какой-нибудь, скрестив пальцы.

– Я бы не ограничилась пальцами рук, – заметила Прозор.

Фура провела металлической рукой по штабелю в три бочки и дотянулась до средней, надавила на нее достаточно сильно, чтобы та слегка покачнулась, и верхняя бочка закачалась еще сильнее.

– Бочки и так помятые – думаю, выдержат еще несколько ударов. – Отступив назад и уперев руки в бока, она смотрела на штабель, пока тот не перестал раскачиваться. – Этот подойдет. Верхняя бочка только и ждет возможности упасть, и ставлю пистоль на то, что она откатится от остальных.

Какие бы дурные предчувствия у меня ни были, а их оказалось несколько, пришлось признать, что особого выбора нет. Поэтому я присоединилась к сестре, и мы изо всех сил налегли на штабель, раз за разом толкая его среднюю бочку, как ребенка на качелях. Каждый толчок усиливал колебания, которые передались верхней бочке, и она тоже зашаталась.

Все эти действия не сопровождались различными звуками, но я представляла себе скрипы и стоны, нарастающие по мере того, как наши усилия делали штабель все менее устойчивым. Верхняя бочка теперь раскачивалась сильнее, чем средняя, потому что сверху ее ничего не утяжеляло, и мне все время казалось, что она вот-вот свалится нам на голову.

Безукоризненно выбрав момент, Фура шагнула в сторону от качающегося штабеля. Бочка перевернулась и ударилась об пол ободком – получила вмятину, но не лопнула. Подпрыгнула еще раз, на половину высоты, с которой упала, и откатилась от остальных бочек и от нас.

– Следующая! – Не дожидаясь, когда остановится бывшая верхняя бочка, Фура принялась снова раскачивать бывшую среднюю.

Что ж, при данных обстоятельствах – неплохая добыча. Нет никакой надежды за оставшееся время дотащить больше трех бочек до верхнего помещения.

– Вот, – сказала Прозор, поднеся локализатор к одной из бочек в штабеле. – Та самая. Рэк ее вскрыл, приварил перегородку – получился маленький отсек – и спрятал в нем передатчик. Умная штучка. Работает от миниатюрного теплового двигателя – просто подкачивается горючее, когда надо, совсем по чуть-чуть.

– Хитроумный старина Рэк. – Чувствуя одновременно гордость и печаль, я подумала, что с Фурой должно происходить нечто похожее.

Мы подвели итоги. У нас еще три с половиной часа до момента, когда придется покинуть шарльер. Но как быть с большим катящимся шаром? Он должен вернуться через четыре минуты, и у нас нет никакой надежды добраться до дальнего дверного проема раньше.

– Можно рвануть на старте, – сказала Фура. – Покатим бочки вверх по склону, одну за другой, а про шар пока забудем.

Даже помятая бочка катилась достаточно хорошо, но по склону ее пришлось толкать втроем, и нам бы не помешал еще один помощник. Впрочем, трое – максимальное количество людей, которые могли двигаться плечом к плечу, не мешая друг другу. Поэтому, пока Фура, Прозор и я пыхтели от натуги, Страмли по нашему поручению отправилась на вершину склона, чтобы наблюдать за большим туннелем. Мы действовали осторожно, зная, что достаточно малейшей оплошки, и бочка покатится назад.

Эта шахта была короче первой, и за четыре минуты мы почти добрались до верха. Страмли ждала нас, держась за дверной проем, то выглядывая в туннель, то пряча голову, как нервная курица.

– Вот он, – сказала она.

Гул нарастал. Мы положили бочку на ровный пол в верхней части шахты, и я разжала руки, лишь когда поняла, что это безопасно. Шар промчался мимо, грохот пробрал нас до костей. Я поспешила заглянуть в туннель и увидела огромный объект, который катился прочь. И пожалела об этом, когда луч фонаря высветил корявый рисунок на поверхности шара, напоминающий материи на глобусе. Я увидела его мельком, но отчетливее, чем в первый раз.

Узоры были отпечатками. Тем, что осталось от предметов, на которые шар наехал и раздавил, как световой росток Страмли. Не просто раздавил, а вобрал в себя – их останки прилипали к нему, когда он прокатывался. И эти узоры не были бесформенными, как мне показалось вначале. На шаре отпечатались тела, руки, ноги и головы – чудовищно расплюснутые, но безошибочно узнаваемые, стоило лишь понять, на что ты смотришь. Не все очертания принадлежали обезьянам.

Другие разумники, совсем не похожие на нас, оказались впечатанными в этот шар.

– Проз, ты говорила, что такие шары обычно застревают намертво в туннелях, – сказала я. – Кажется, теперь я понимаю.

– Правда, детка?

– Это потому, что они все растут, да? Каждый раз, когда накатываются на того, кто не успевает добраться до нужной двери.

– Не думала, что тебя заинтересуют детали.

– Слишком много времени, слишком много мертвых разумников, – произнесла Страмли со страхом в голосе.

Грохот стих. Шар убежал на следующий круг, целеустремленный, как слюнявые, безумноглазые борзые в гонках на Джонсери-Филд.

– Ладно. – Я отбросила мысли о раздавленных беднягах и кивнула на бочки. – Давайте переправим их к другой двери. Если сможем катить, это займет не больше времени, чем в прошлый раз.

– Нет, сначала поднимем сюда еще две бочки, вчетвером, – сказала Фура. – А потом поразмыслим над тем, как катить их всю оставшуюся дорогу.

Мы предоставили Страмли выбор между охраной единственной бочки с горючим или возвращением, и после некоторого раздумья она решила, что лучше идти с нами. Пока Прозор следила за хронометром, мы спустились в нижний зал и покатали вторую бочку по наклонному коридору. На этот раз было труднее, мне в глаза затекали соленые капли. Судя по показаниям датчиков, в этой бочке было ровно столько же горючего, сколько и в предыдущей, но мы устали сильнее, ведь наши скафандры не предлагали никакой механической помощи.

Я споткнулась на полпути, и мои пальцы оторвались от бочки. Фура и Прозор едва успели остановить ее.

– Устала? – спросила Фура, тяжело дыша.

– Было бы чудом, если бы мы не устали, – сказала Прозор. – Не повредит передохнуть минутку.

Страмли шла в нескольких шагах впереди нас, заглядывала поверх наших голов в ту часть коридора, что вела в зал с горючим. Ее теперь не было видно – за пределами досягаемости наших фонарей простиралась тьма.

Вдруг Страмли издала шипящий звук, словно спящий, готовый захрапеть.

– Ффф...

И я поняла, что она пытается позвать мою сестру по имени.

Прозор извернулась, как только могла, не отпуская бочку. Посмотрела в ту часть коридора, откуда мы пришли.

– Привет, разумник, – сказала она.

Кто-то шел из темноты, шаркая по коридору позади нас. Нечто темное во мраке поначалу озадачивало, но двух-трех взглядов хватило, чтобы распознать очертания. Ботинок, колено, нагрудный рюкзак, шланги, рука в перчатке, протянутая к нам. Постепенно наши фонари освещали его все лучше, выхватывая детали снаряжения – более старого, чем наше, хотя скафандр целиком выглядел таким же несообразным и пестрым. Шлем – мы видели только его макушку, потому что незнакомец шел, опустив голову, – был весь в струпьях ржавчины, словно веками лежал под водой.

Космоплаватель приближался по коридору так, словно с одной стороны его скафандр был жестче, чем с другой, вынуждая перемещаться боком, и что-то заставляло его сгибаться, как от смеха или спазмов в животе.

Кажется, именно тогда у меня возникло пугающее предчувствие, но оно было слабым и нарастало медленно. Поначалу я с облегчением подумала, что вор – а кто еще это мог быть? – такой же взломщик шарльеров, как и мы. Оставалось еще несколько вопросов; например, сколько времени этот человек находился в шарльере и как ему удалось не порвать оставленные Рэком нити. Я решила, что все это в конце концов прояснится.

Мы столкнулись не с роботом, не с пришельцем, не с призрачником и не кем-то еще из существ, которые, по слухам, обитали в шарльерах.

– Эй, разумник, ты бы постоял, передохнул, – обратилась к незнакомцу Прозор. – Мы можем отлично поболтать, не тычась друг в друга носами.

– Дай самострел, – велела Фура.

Страмбли извлекла арбалет из крепления на спине скафандра Фуры. Оружие было уже взведено, как и предпочитала та.

Одной рукой держа бочку, Фура другой взяла арбалет и направила вдоль коридора. Незнакомец выпрямился – немного, ровно настолько, чтобы мы смогли увидеть лицо через изгиб забрала.

И тут на смену моему дурному предчувствию пришел леденящий ужас.

Глава 3

Мы почти одновременно поняли две вещи. Во-первых, на лицевом щитке не было стекла, так что незнакомец не мог дышать. Во-вторых... Пожалуй, невозможность дышать была меньшей из его проблем. Куда важнее было отсутствие кожи.

Ни кожи, ни мускулов, ничего. Голый череп с черными пещерами глазниц. Две носовые щели и ухмыляющийся рот. Челюсть висит на нескольких клочках хряща.

Фура выстрелила из арбалета. Болт попал прямо в нагрудный ранец, и, возможно, это было самое лучшее место для прицеливания, когда имеешь дело с живым разумником. В нашем случае я сомневалась, будет ли толк. Сама я метила бы в открытое забрало, чтобы разбить череп, как глиняную посудину.

И все же выстрел возымел действие. Из ранца вылетел сноп трескучих искр, затем повалил черный дым, и незнакомец упал на колени, вытянув перед собой руки, как истовый богомолец, а затем рухнул ничком.

Он лежал неподвижно, распростершись на наклонном полу. Черный дым все еще выходил из-под тела, клубясь, и посверкивали искры, но не было никаких признаков движения.

– Я всякой хрени навидалась на своем веку, – тихо проговорила Страмбли. – Но ничто из увиденного мною не стоило и десятой доли этого безобразия.

– Выходит, жизнь у тебя была спокойная, – сказала Прозор.

Фура медленно подошла к распростертому незнакомцу, на ходу перезаряжая арбалет. Когда она пнула шлем, тело дернулось, но никакой другой реакции не последовало.

Фура посмотрела на Прозор:

– Полагаю, у тебя есть версия на этот счет?

Прозор тоже подошла к лежащему. Присела на корточки, насколько это было возможно в скафандре, подцепила шлем за край разбитого лицевого щитка и подняла повыше, чтобы рассмотреть череп. Наклонилась и заглянула в пустые глазницы.

– Мм, – протянула она, как врач, намеревающийся сообщить больному плохую новость.

– Что? – спросила я.

– Этот разумник – мигальная башка. Точнее, был ею.

Я достаточно долго прожила рядом с Прозор, чтобы как следует обучиться жаргону космоплавателей, но это выражение слышала впервые. Однако, поскольку мне было известно, что такое «мигальный», я рискнула сделать обоснованное предположение:

– Это как-то связано с начинкой черепов?

За решеткой лицевого щитка было видно, что Прозор кивнула.

– Бывает так, что команды становятся жадными или ленивыми, или у них просто не получается найти чтеца костей под стать черепу. И тогда они зачерпывают мигальное вещество из черепа пришельца и засовывают в собственный котелок – избавляются, так сказать, от посредника.

– Но как... и зачем... они это делают? – спросила я.

– «Как» – простой вопрос, – сказала Прозор. – Вы, девочки, видели Нейронный переулок. Такие места есть по всему Собранию, и нет услуги, которую там не предложат за подходящую цену. В голове просверливают дырочки, этикие миниатюрные шахтные стволы, и помещают мигальное вещество в серое, на разную глубину. Дырочки заделывают, мигалка пускает корни.

– Хорошо... А как быть с «зачем»?

– Время от времени это дает разумнику возможность разговаривать с костями – и не только – без дополнительной аппаратуры. – Прозор выпустила шлем, упавший в исходное положение, и встала. – Но как правило, за такое приходится платить. Иногда мигальное вещество обретает собственную волю. Принимается делать, чего не следует. Например, перешептыва-

ется со скафандрами, особенно с умными, имеющими разные причиндалы. Это приводит к своего рода уговору со скафандром, выгодным для обеих сторон.

– А разумник? – спросила я.

– Третий лишний. Не нужен ни мигальному веществу, ни скафандру. Обычно все завершается именно так. – Прозор пнула шлем сильнее, чем Фура до нее.

– Может, нам прихватить скафандр и труп? – спросила Фура, возвращая на место арбалет.

– Да пусть гниет, – ответила Прозор. – Тут нет ничего такого, что нельзя найти где-нибудь еще.

– Как думаешь, зачем мигальной башке понадобилось наше топливо? – поинтересовалась я.

– Этот скафандр может работать от топлива так же, как и передатчик Рэка, – сказала Прозор. – Судя по тому, что мне известно о мигальных башках, он, возможно, собирался заманить нас сюда, вглубь шарльера.

– Какая от нас польза мешку костей? – спросила Страмли.

– Никакой, детка. Другое дело – наши скафандры, снаряжение. Вещи изнашиваются, ломаются, особенно здесь, внизу. Мигальной башке всегда пригодятся запчасти, чтобы поддерживать себя в рабочем состоянии.

– Ты к тому, что он собирался нас пожрать? – сказала Фура.

– Хорошо, что он здесь был только один, – радостно произнесла Страмли.

– Я как раз к этому и подхожу, – продолжала Прозор. – Какова вероятность, что одна мигальная башка сумела штабелировать все наше топливо?

– Пусть высылают подкрепление, – сказала Фура. – Раз с ними так легко расправиться, у нас найдется еще несколько арбалетных болтов. Давайте закатим эту бочку наверх.

Оставив искрящееся и дымящееся существо там, где оно упало, мы продолжили путь по восходящему коридору. Отдых пошел на пользу мышцам, но не только он вынуждал нас спешить. Мне казалось, лишняя пара рук катит бочку вместе с нами, помогая добраться до верха. Темнота осталась за спиной, и это меня вполне устраивало.

Последний «пых», последний толчок – и мы останавливаем бочку рядом с первой.

– Сколько времени до возвращения шара? – спросила Фура, даже не переведя дух.

– Восемнадцать минут, – ответила Прозор.

Значит, с учетом заминки из-за мигальной башки, нам понадобилось двадцать минут, чтобы достать вторую бочку и закатить наверх. У меня не было причин сомневаться в ее словах, но мне показалось, что все длилось вдвое дольше.

– Если двинемся прямо сейчас, успеем добраться до дальней двери, – сказала я, вспомнив, что в первый раз это заняло у нас пятнадцать минут. – Можно толкать обе бочки одновременно, на ровной поверхности, они не слишком нас задержат.

– А третья? – спросила Фура.

– Забудь про третью. – Я посмотрела в ее глаза, обрамленные светлячковыми полосами, и вложила в голос столько властности, сколько осмелилась. – Две лучше, чем ничего. Мы ведь не хотим иметь дело с другими такими существами.

– Я туда не вернусь. – У Страмли вздрогнуло лицо за щитком. – Даже за все пистолы во всех банках всего Собрания.

– Пока мы тут треплемся, – сказала Прозор, – шар катится к нам. Осталось около семнадцати минут. Мы можем успеть, но уже с трудом. Зависит от того, как сильно вы хотите рискнуть.

Фура оглядела нас по очереди, и я поняла по ее глазам: дело не только в оставшихся минутах и секундах, но и в лояльности и лидерстве, а еще в том, как далеко она может сейчас

зайти, учитывая, что никто из нас не подписался под каким-нибудь договором, признающим ее за главную.

– Ладно, будем выкручиваться с тем, что есть. Но в этот раз не станем заигрывать с шаром.

– Я могу пойти вперед, – вызвалась Страмли. – Проверю, свободен ли путь.

– Катить топливо придется вчетвером, – отрезала Фура. – Так что будем держаться вместе. – Она снова взялась за арбалет, готовая пустить его в ход, если увидит кого-нибудь, ковыляющего по туннелю. – Расскажи сказку, Проз. У тебя всегда наготове какая-нибудь история.

– Не сегодня, – сказала Прозор, отстегивая свой арбалет.

Мы со Страмли сделали то же самое.

* * *

– Пять минут, – объявила Прозор, и я невольно набрала воздуха в легкие, словно на низком старте. Я прикоснулась к каменному телу шарльера, пытаюсь почувствовать слабый, но нарастающий рокот шара, предвещающий его появление. Но ничего не ощутила, и не стоило на это рассчитывать.

Следующие несколько минут я размышляла над тем, что мы планируем делать после Грохотуна, если все-таки удастся добыть из него больше топлива. До сих пор после захвата «Мстительницы» мы довольствовались тем, что держались в границах Собрания, не покидали теней и вообще не делали ничего, что могло бы привлечь внимание. Но мы не могли продолжать в том же духе бесконечно. Мы не были преступниками – по крайней мере, не считали себя таковыми.

Потом мои мысли вернулись к Сурт, к парусной вспышке, которую она якобы видела из обзорной рубки, и к закономерному предположению, что нас преследует другой корабль.

Я знала: важно не то, что мы думаем о себе сами, но то, что о нас думают другие.

– Три минуты, – сказала Прозор.

Я снова не удержалась и коснулась стены, и на этот раз что-то произошло.

– Я чувствую.

– Сомневаюсь, детка. Он еще далеко.

– Я ничего не выдумываю.

Фура посмотрела на меня и коснулась стены металлической рукой. Поначалу эта конечность была гораздо более неуклюжей, чем настоящая, и почти лишенная чувствительности. Но со временем протез приносился к телу, и теперь, по словам Фуры, она могла улавливать через него вибрации, которые оставались неощутимыми для другой руки, особенно если та была в перчатке.

– Адрана права, – сказала Фура. – Что-то движется. Только я не думаю, что это...

– Вот что это, – проговорила Страмли достаточно спокойно.

Шаркающие шаги звучали все явственней. Казалось, не то баррикада, не то поршень приближается по коридору к освещенной нашими фонарями зоне.

Они шли, ковыляя и спотыкаясь, стучаясь о стены. Мигальные башки, все до единой, – но среди них не нашлось бы двух одинаковых. У некоторых не хватало конечности или ее части, а были и такие, у кого кости висели там, где скафандр разорвало, – болтались на хрящах, как маятники. Этих монстров объединяло лишь то, что у большинства сохранился череп, пусть и не целиком. Головы качались вверх-вниз в том, что осталось от шлемов, и я видела мигальную начинку в глазницах, миленькие такие переливы цвета, неуместные в столь жуткой обстановке. Кому-то недоставало челюсти, у других черепа были пробиты или полностью отсутствовали выше глазниц, так что мигальная начинка была гораздо заметнее.

Монстров было так много и их так много втиснулось в туннель позади тех, кто плелся впереди, что мы были бы мертвы, найдись у них хоть какое-нибудь оружие в достаточном количестве. В этом смысле нам повезло. Если у этих созданий и существовал какой-нибудь план, он заключался в том, чтобы задавить нас числом, а потом растерзать, как падаль.

Мы застыли на несколько секунд. Страх сыграл в этом свою роль, но еще была нерешительность.

Фура преодолела паралич. Она всадила арбалетный болт в середину надвигающейся массы и перезарядила оружие, и Прозор последовала ее примеру. Присоединились и мы со Страмли. Мы просто целились, стреляли, перезаряжали. У нас не было никакой стратегии, да к тому же скафандры и части тел перед нами представляли собой такую мешанину, что искать слабые места для сосредоточенного обстрела было совершенно бесполезно. Черепа были очевидной мишенью, но всадить болт под забрало совсем не просто. И все же мы старались изо всех сил, целясь в тех, у кого от шлема почти ничего не осталось, а из них предпочитали тех, у кого череп были уже наполовину разбит. Когда болт попадал, мигальное вещество взрывалось бесшумным фейерверком, и монстр падал, поскольку скафандр лишался управления.

Но масса кошмарных созданий продолжала свое продвижение, и хотя мы наносили некоторый урон, они все равно могли вскоре выпихнуть нас в главный туннель. Теперь некоторые выпускали черный дым, как тот, самый первый монстр, отчего целиться стало еще труднее.

– Страмли, – сказала я, – помоги мне с этим.

Я сделала последний выстрел и бросила арбалет. Подскочила к бочке, которую мы, обливаясь потом, затащили на верх наклонного коридора, и покатила ее обратно к краю, а Страмли присоединилась, как только поняла мое намерение.

– Нет! – крикнула Фура, сообразив, что я задумала. – Нам нужно это топливо!

– Неправильно, – ответила я со всей возможной терпеливостью. – Нам нужно продержаться достаточно долго, чтобы использовать оставшуюся бочку.

Прежде чем Фура успела возразить, я в последний раз толкнула бочку, а уже инерция перевалила ее через край. Мы со Страмли отступили, и бочка покатила к мигальным башкам. Я схватила с пола арбалет и вложила в него болт как раз в тот момент, когда бочка врезалась в наших противников.

Она прошла сквозь них, как шар сквозь кегли. Первая волна приняла на себя наиболее сильный удар, от которого монстры взрывались; металл, кости и мигалка вылетали из дыма. Я увидела, как бочка с грохотом пронеслась через вторую и третью волны, которые шли вплотную за авангардом, и эффект был столь же разрушительным.

Но это не остановило противника, да я на такое и не рассчитывала. Мигальные башки, получившие наименьшие повреждения, пробивались сквозь останки своих товарищей, распикивая их в стороны или подбирая куски, чтобы использовать в качестве дубинок. Но мы замедлили натиск, и теперь было легче выбивать оставшихся, тщательно целясь в забрала, суставы и другие важные элементы скафандра.

Полторы минуты из трех, о которых говорила Прозор, как будто растянулись, но я чувствовала, что мы склонили чашу весов в нашу пользу. И когда шар с громом пронесся за несколько секунд по главному туннелю, я убедилась, что мы приняли правильное решение. Теперь у нас тридцать восемь минут, чтобы добраться до дальней двери.

Здравый смысл предлагал отказаться от последней бочки или отправить ее навстречу мигальным башкам в качестве второго подарка. Но я заставила себя прислушаться к мнению Фуры. Мы можем достаточно легко выкатить бочку из коридора, так что глупо было бы истратить этот ресурс сейчас.

Итак, мы вывалились в главный туннель. Прозор и я развернули бочку на девяносто градусов, а потом катили, пока поспевать за ней не стало труднее, чем толкать.

Страмбли и Фура тем временем прикрывали нас с тыла. Врагов стало существенно меньше, но они не прекратили атаку. Картина позади выглядела жалко: ковыляя, волоча ноги, монстры выбирались в главный туннель. Их осталось двадцать или тридцать – нелегко было понять, где кончается одна мигальная башка и начинается другая.

Казалось, мы могли бы оторваться от этих калек без труда, но странность заключалась в том, что чем сильнее они были изувечены, тем быстрее перемещались. Да, они плелись или ползли – но в таком темпе, что нам ни разу не удалось перевести дух. Одна мигальная башка представляла собой всего лишь верхнюю половину скафандра, а ниже пояса – ничего, кроме тазовых костей и обломков ног. Другой монстр – несколько ног, соединенных бедрами, и не видать ни черепа, ни мозга, как бы странно это ни звучало. Третий состоял из шлема, плеча и большей части руки, и двигался судорожными конвульсиями, словно змея, которую снова и снова бьют электрошоком. О том, что эта тварь собиралась сделать с кем-нибудь из нас, если бы догнала, не стоило и думать.

Нам потребовалось двенадцать минут, чтобы добраться до второй двери, – на три минуты меньше, чем на путь в другую сторону. В ботинках хлюпал пот, дыхание напоминало скрежет пилы. Мы ушли достаточно далеко от монстров, чтобы они затерялись в темноте, но все знали, что существа все еще ковыляют позади нас, судорожно подергиваясь. Эта волна сломанных скафандров и изувеченных трупов не собиралась отступать только потому, что мы ускользнули из зоны досягаемости того, что заменяло им зрение.

Как бы ни были мы измучены, наш труд еще не завершился. Все еще предстояло прокатить бочку вверх по двум наклонным коридорам, постоянно думая о приближающихся мигальных башках. И к тому моменту, когда мы добрались до промежуточного зала, где Прозор рассчитывала найти топливный склад Ракамора, силы в моих руках осталось не больше, чем в веточках, которые цепляются за чью-нибудь одежду. Радовала лишь мысль о том, что если трупы появятся в зоне видимости наших фонарей, то мы сможем их расплющить последней бочкой.

Мы почти добрались до шлюза на поверхности, когда грохот раздался снова. Я предположила, что некоторые монстры оставались в главном туннеле и теперь шар пополнил свою коллекцию отпечатков. Мне подумалось, что твари должны были иметь какое-никакое представление о регулярности витков шара – в первую очередь для того, чтобы выкрасть топливо. Но теперь, решила я, ими движет безмозглая всепоглощающая страсть, вынуждая забыть о последствиях.

Я была очень рада, что больше их не увижу.

Едва дыша от усталости, мы добрались до катера с одной-единственной бочкой топлива, и никому из нас не хотелось задерживаться на этом шарльере. Прозор не стала натягивать нить поперек входа, а Фура запустила ракетные двигатели чуть ли не до того, как уселась в свое кресло. Остальные схватились за поручни, когда катер уже начал подниматься.

– Все прошло хорошо, – проговорила я, как только мы оказались в свободном пространстве и Грохотун исчез, как воспоминание о сне, который начался хорошо, а потом превратился в кошмар. – Уверена, в истории Собрания не было ни одного плана, который прошел бы так же гладко.

– Все правильно, – сказала Прозор, снимая шлем и придавая прическе обычный вид: пряди топорщились во все стороны, как шипы. – Вчетвером вошли, вчетвером вышли. Не погибли и получили немного больше по сравнению с тем, что имели раньше.

– Одна бочка, – проворчала Фура, отворачиваясь от пульта, пока Страмбли помогала ослабить манжету на ее правой руке. – Едва ли стоит топлива, которое мы сожгли, добираясь сюда. Но мы еще вернемся, когда будет возможность. Дадим тварям порцию чего-нибудь жуткого и посмотрим, как им это понравится.

– Или можно просто поискать топливо где-нибудь в другом месте, – заметила я.

– А я-то думала, ты дорожишь памятью Рэка, – сказала Фура, выгибая плечо, чтобы вытащить правую руку из рукава скафандра. – Это была его собственность, а теперь она по праву принадлежит нам. Как ты можешь сидеть спокойно, зная, что нас обокрали?

– Все, что когда-либо выносили из шарльера, раньше было чужой собственностью, – возразила я.

– Это другое дело, – сказала Фура, стряхивая с себя остатки снаряжения. – Прошли миллионы лет. Теперь всем наплевать.

– Да уж, надейся, – хмыкнула я, за что получила от нее мрачный взгляд.

Вскоре челюсти стыковочного отсека раздвинулись; во тьме засияла красная ухмылка. Фура воспользовалась маневровыми двигателями, и мы вошли в «пасть» хвостом вперед; маленькая рыбка позволила более крупной себя проглотить. Мы заняли место в причальной люльке, и челюсти сомкнулись. Через несколько секунд за нашими окнами появились Сурт и Тиндуф в скафандрах. Они проверяли катер и заканчивали стыковку, чтобы мы смогли попасть на борт главного корабля, не надевая скафандры опять.

Нам потребовалось несколько минут, чтобы собрать снаряжение и проплыть через шлюз в камбуз главного корабля, который был соединен непосредственно со стыковочным отсеком и представлял собой единственное помещение, достаточно просторное для того, чтобы служить плацдармом для наших экспедиций, где мы могли собраться, чтобы все спланировать, или оценить добычу, или надеть-снять скафандры, не тыча локтями друг другу в лицо. Все равно было тесновато, так как обеденный стол занимал половину отсека, а еще имелись приборные консоли, стеллажи для оборудования и шкафчики для хранения, поэтому мы обычно переодевались в катере. Сурт и Тиндуф уже вышли из стыковочного отсека, сняв шлемы и готовые приветствовать нас.

Судя по их взглядам, полным надежды, Фура не передала никаких сообщений.

– Вернись вы рысью, я бы мандражировал, – сказал Тиндуф. – Это бы значило, что кто-нить успел стырить топливо, и нет никакого резона канителиться, верно? Но вас не было прорву времени. Это ж недурственный признак – так мы решили, Сурт?

– А потом мы увидели их физиономии, – сказала Сурт, словно втыкая гарпун в воздушный шар его оптимизма. – Спроси себя, Тиндуф, они похожи на счастливую команду?

– Сурт, ты ведь кумекаешь – я в таком деле не лучший арбитр.

– По-моему, они совсем не выглядят довольными, Тиндуф, – нарочито доверительным тоном сообщила она. – Они выглядят так, словно прошли семь кругов ада.

– Ад – это мягко сказано, – начала Страмли. – Мы такое видели...

– Топливо достали? – перебила Сурт, явно не в настроении выслушивать очередной длинный рассказ Страмли.

Я отрицательно покачала головой:

– Немного. Меньше, чем надеялись. Оказалось, склад был не так уж хорошо защищен от воров, как себе представлял Рэк.

– До него добрались мигальные башки, – пояснила Страмли и вздрогнула.

– Только вот мы обе знаем, что их не существует, – сказала Сурт. – И что бы это ни было...

– Это были мигальные башки, – перебила Прозор тоном, который пресекает любые дискуссии. – Я знаю. Я смотрела тварям прямо в лицо, прежде чем мы их расплющили бочкой с топливом. Двадцать, а то и тридцать ухмыляющихся дьяволов. Вероятно, еще сотни на нижних уровнях. Мы чудом выбрались.

– А что бы они сделали? – спросила Сурт.

– Ничего приятного, вот что, – ответила Прозор. – Радуйся хотя бы тому, что мы вернулись, причем не с пустыми руками. А теперь давайте все постараемся увеличить расстояние между нами и шарльером, пока кое-кто не решил вернуться за добавкой.

– Мне это кажется разумным, – сказала я. – В любом случае нет смысла здесь торчать, ведь окно вот-вот закроется.

– Они забрали то, что по праву принадлежало нам, – проговорила Фура, медленно сжимающая и разжимая металлические пальцы. – Мне это не нравится.

– Того, что мы взяли, хватит с лихвой, – успокаивающе сказала Прозор. – Во всяком случае, Рэк всегда брал только одну-две бочку зараз.

Сурт сделала приглашающий жест в сторону камбузного стола, на чьей магнитной поверхности уже стояли кружки с крышками и миски, в одной из которых дымился горячий хлеб с маслом.

– Поешьте и выпейте эля, чтобы день не казался таким дурным. Мы с Тиндуфом вытащим бочку из катера и поставим паруса. Вы хорошо справились, вернулись с добычей. А мне, пожалуй, повезло, что я никогда не видела мигальную башку. Впрочем, я такую встречу и не планирую.

– Очень мудро, – улыбнулась я.

У Сурт был голодный вид: ввалившиеся щеки, запавшие глаза. И при первом знакомстве она могла произвести впечатление жестокой и даже подлой женщины. На самом деле она была доброй и очень хорошо разбиралась в машинах, так что со временем мы сильно сблизились.

– Сама тоже садись, – сказал ей Тиндуф. – С топливом я разберусь. Кликну, если понадобится чего-нибудь особенное.

– Оставьте мне хлеба, – велела Фура, удаляясь в сторону рубки управления. – Кому-то надо поработать.

Я подплыла к стулу, пристегнула к поясу свободно парящую пряжку, чтобы удержаться на месте. Перед тем как присоединиться к нам, Прозор отправилась в передний галюн, а Страмли по своему обыкновению рылась в шкафчике, искала соль. Не дожидаясь ее, Сурт протянула мне кусок хлеба; я впиалась в него зубами и только теперь поняла, что зверски проголодалась. Хлеб слегка зачерствел, масло растаяло, но это было гораздо лучше, чем ничего.

Затем Сурт очень тихо сказала:

– Все повторилось, Адрана. Я видела вспышку, пока вы были внутри шарльера. Мы здесь не одни.

Глава 4

Обзорная рубка представляла собой небольшую камеру в виде пузыря, расположенную высоко на корме корабля. Она состояла в основном из стекла и имела единственный вход – дверь, которая казалась такой узкой, что через нее с трудом смог бы протиснуться даже очень тощий ребенок; но каким-то образом в рубку попадал и Тиндуф. После того как дверь задривалась, всю рубку можно было выдвинуть из корпуса на «стебле», который работал от тех же гидравлических контуров, что и механизм управления парусами, хотя им можно было манипулировать вручную, с помощью насоса, расположенного в самой рубке. Будучи выдвинутой, обзорная рубка позволяла видеть большую часть неба, поскольку громада корабля не закрывала половину панорамы.

Сидя в одном из двух кресел перед скоплением окуляров, я воспользовалась красной лампочкой, чтобы прочесть последние записи в журнале наблюдений. В первый раз, когда Сурт увидела парусную вспышку, если это действительно была парусная вспышка, моя подруга изучала небо весьма небрежным образом. К тому времени, когда ей стало понятно возможное значение этой вспышки, телескоп уже повернулся на хорошо смазанных карданных шарнирах, и она понятия не имела, каким был угол наведения в соответствующий момент. Пока она сидела в соседнем кресле, я прочесала подозрительный участок, но не нашла ничего, что могло бы подтвердить или опровергнуть ее слова. Возможно, удивляться и не стоило: если это и впрямь парусная вспышка, она была чрезвычайно кратковременной.

Но Сурт снова увидела нечто подобное, и на этот раз она наблюдала и вела записи. Ее почерк все еще не восхищал аккуратностью, но она старательно вывела время и координаты, а также сделала похвально разборчивую приписку: *«Вер. вспышка, длительность полсекунды или меньше, не повторялась»*.

Сурт все еще испытывала трудности с чтением и письмом, но она совершенствовалась, и записи в журнале велись по установленному образцу. То есть надо было всего лишь подражать тому, что кто-то написал ранее.

По ее словам, это была уже вторая вспышка на одном и том же участке неба. Возможно, лучше бы этой информации остаться нашим общим секретом.

Когда лампа погасла, я позволила глазам привыкнуть к темноте, выбрала телескоп со средним увеличением и начала внимательно изучать тот участок неба, приблизительно наметив его границы. Это имело смысл: если действительно источник вспышки – другой корабль, то у него было время сдвинуться относительно неподвижных звезд, причем довольно далеко – при условии, что он находится близко к нам. Конечно, я очень надеялась, что он не близко, но должна была учесть такую возможность.

Я ничего не увидела. Но ни в первый, ни во второй раз у меня не возникло сомнений насчет Сурт.

Я снова просмотрела предыдущие записи, сделанные разным почерком. Больше никто ни о чем не сообщал с того момента, как мы вышли на орбиту Грохотуна, но это опять же не давало оснований думать, что «Мстительница» в безопасности. У вспышки могло быть иное происхождение, или же ее источник – корабль, чьи цели вполне невинны, по крайней мере в отношении нас.

Но, кладя руку на рычаг, который должен был вернуть обзорную рубку на корабль, я знала, что думаю по этому поводу.

* * *

– Адрана, – сказала моя сестра, сидя за своим столом – точнее, пристегнутая к столу, – и склонившись над дневником, в котором что-то писала при красном свете Паладина; голова робота была прикреплена к столешнице, словно замысловатая лампа, – очень рада, что ты пришла. Хотела кое-что показать – маленькую головоломку, которую раскопала в вещах Босы.

Я изучала ее секунду или две. Несмотря на то что Фура признала мое присутствие и высказалась дружелюбно, ее лицо все равно выглядело жестоким и сосредоточенным. Светлячок, который временами ярко сиял под кожей, теперь был приглушенным и даже почти невидимым в тускловатом свечении Паладина. Ее необузданная черная шевелюра развевалась вокруг головы в условиях почти невесомости – мы двигались под парусами, уходя от притяжения шарльера, – но если бы не эта деталь, я могла бы вообразить, что вижу свою младшую сестру погруженной в какие-нибудь детские мечты, требующие интенсивной, несообразной концентрации; а может, сочиняющей истории или раскрашивающей картинки.

Она заняла личные покои Босы. Это была каюта неправильной формы, расположенная рядом с главной рубкой управления, где мы работали с более крупными и сложными навигационными и коммуникационными устройствами. Оба эти помещения были, в свою очередь, доступны из камбуза, так как располагались над «пастью» стыковочного отсека. Итак, Фура проводила много часов за письменным столом Босы, окружив себя вещами бывшей пиратки, многие из которых были чрезвычайно загадочными.

Многочисленные контрольные цепи проходили через эту часть корабля, что делало ее наиболее удобным местом для установки Паладина. То, что осталось от него, было подключено к столу, который, в свою очередь, был подключен к навигационной системе, трещальнику, ионным излучателям, механизму управления парусами и батареям гаусс-пушек, – иными словами, на «Мстительнице» почти не было частей, которыми Паладин не мог управлять самостоятельно. Но Паладин был поврежден, и потребовалось много терпения, доброты и внимания, чтобы помочь ему заново изучить свои способности. Фура всегда любила его больше, чем я, хоть я и приложила немало усилий, чтобы изменить свои привычки, и теперь сожалела о былом презрении к нему. Вполне естественно, что она больше всех нас заботилась о роботе, помогала ему восстановить логические пути и приспособиться к огромному и громоздкому телу, которое он унаследовал.

Эти взаимоотношения – поначалу невинные и не вызывающие возражений – превратились в нечто официальное, когда Фура поселилась в этой каюте, как будто она и впрямь была нашим капитаном, назначенным должным образом.

– Сурт что-то видела, – сказала я.

Фура окунула перо в закрытую мембраной чернильницу.

– В обзорной рубке?

– Да. Сверкание, по продолжительности и яркости соответствующее парусной вспышке.

– Сурт хандрит, пытаясь найти свой родной мир. Думаю, она увидела блик от Собрания.

– Нет, – осторожно ответила я, чувствуя, что должна заступиться за Сурт. – Это случилось ближе к Пустоши, и Старое Солнце находилось за ее плечом, когда она нацелила телескоп. Я сверилась со Стеклойной Армиллой¹, а также с картами и альманахами. Нет таких миров или шарльеров, которые она могла бы спутать с источником вспышки.

– Будь здесь другой корабль, мы бы знали об этом. Услышали бы передачи по трещальнику и болтовню через черепа, увидели бы не одну парусную вспышку. Если бы Сурт заметила ее несколько раз, я бы поверила, но...

¹ Армилла, или армиллярная сфера, – древний астрономический инструмент.

Я встряла:

– Это случилось не один раз.

Фура тотчас же впиалась в меня взглядом:

– За одну вахту?

– Когда я увидела ее записи, на всякий случай прочесала тот участок. Кажется, я тоже что-то видела.

– Увидела – значит записала?

Я прибегла к лжи, чтобы защитить Сурт и убедить Фуру в серьезности ситуации. Но я не хотела ухудшить свое положение.

– Это была кратчайшая вспышка, не настолько яркая, чтобы упоминать о ней в журнале наблюдений. При других обстоятельствах я бы и вовсе не обратила внимания. Но более раннее наблюдение Сурт не позволяет просто так отмахнуться. Я склонна думать, что нас преследует другой корабль.

– Парусную вспышку очень трудно засечь, даже если предположить, что этот твой корабль-призрак реален. Однако в нужных условиях, с достаточным увеличением и темновой адаптацией², подобная вспышка может быть замечена на расстоянии в десять миллионов лиг – слишком далеко, чтобы представлять для нас хоть малейший интерес.

Для человека, который до прошлого года ни разу не покидал свой мир, моя сестра была склонна вести себя так, словно родилась и выросла на солнечном паруснике, накопив профессиональный опыт во всем, что касается навигации и космоплавания. Она уверенно говорила о сомнительных вещах, но стоило мне высказать столь же уверенное мнение, как Арафура принималась разбирать его по косточкам, качая головой с видом знатока.

– Или, – терпеливо возразила я, зная, что опыт у нас почти одинаковый, – другой корабль может быть гораздо ближе.

Она перевела взгляд на стеклянный шар – голову робота.

– Паладин, ты все понял, что сейчас сообщила Адрана?

– Да, – ответил он глубоким, полным достоинства голосом, который, как я теперь знала, принадлежал роботу, когда-то бывшему солдатом, а также другом и защитником людей, служившему своим хозяевам с преданностью и мужеством, а потом наказанному за преданность. – Я понимаю, что такое парусная вспышка. Когда один или несколько парусов отклоняются от общей массы из-за повреждения или саботажа, они могут превратиться в зеркало, выявляющее присутствие судна за пределами досягаемости обычных средств обнаружения.

– Не стоит даже упоминать о неумелом управлении кораблем, – заметила я.

– Разумеется, мисс Адрана. При обычных обстоятельствах это почти неизбежно – профессиональная опасность небесной навигации. Но капитан или парусный мастер, ищущие скрытности, сделают все возможное, чтобы не позволить парусной вспышке случиться на линии видимости другого судна.

– Паладин, – сказала Фура, – ты бы доложил, если бы кто-то поприветствовал нас или запеленговал в порядке обычной проверки?

– Я не обнаружил ничего похожего на сигнал подметалы, мисс Арафура, а наш собственный прибор работает на минимальной мощности. Мы также не перехватывали трещальных передач, закодированных или иных, которые могли бы предназначаться для другого судна в нашем районе.

– И мы, конечно, не вели никаких трещальных передач, если не считать коротковолновую связь во время походов в шарльеры, – сказала Фура. – И наши паруса не вспыхивают. Так что никакой корабль не смог бы нас обнаружить, даже если бы подозревал, что мы действуем в этом секторе.

² Темновая адаптация – изменение чувствительности глаза при переходе от яркого света к полной темноте.

– Еще есть шарльер, – произнес Паладин неуверенно, словно напоминать нам об этом было дурным тоном.

– Он всегда тут был, – возразила Фура.

– Но мы-то не были, – ответил робот. – Когда поле шарльера работало, он был самым ярким объектом в округе и мы вращались вокруг него. У вас есть координаты инцидентов с парусными вспышками, мисс Адрана?

– Да. Оба объекта находились примерно в ста шестидесяти шести градусах к востоку и двадцати двух к югу.

Свет в его голове вспыхнул от внезапного потока вычислений.

– Тогда, возможно, нас видели, когда мы проходили над поверхностью шарльера. Пусть у нас темные паруса, но они не невидимые, и даже с уменьшенной площадью парусов мы намного больше, чем шарльер. Есть еще один фактор. Если другой корабль внимательно следил за этим шарльером, он мог видеть шлейф ракетных двигателей нашего катера, когда тот улетал и прилетал.

Я поразмыслила над ответом робота и не упомянула о том, что первую вспышку Сурт увидела до того, как мы выслали катер.

– Ты хочешь сказать, что кто-то заиклился на этом шарльере не просто так?

– Если бы кто-то хотел найти корабль, работающий на границе Пустоши, было бы гораздо эффективнее следить за несколькими тщательно отобранными шарльерами, а не пытаться обыскать каждую кубическую лигу пустого пространства.

– Мне это не нравится, – покачала головой Фура. – Если какой-то корабль случайно наткнулся на нас в этом месте, я прокляну свое невезение, но смирюсь. Но, судя по тому, что говорит Паладин, это смахивает на какой-то продуманный план.

– Если оно и впрямь так, может, череп нам что-нибудь подскажет. Я знаю, в последнее время ты неохотно им пользуешься...

– И на то есть веские причины. Это наш единственный череп, и он поврежден. Я бы предпочла пользоваться им экономно, пока он еще работает. А еще может случиться так, что мы выдадим свое местоположение, пусть и непреднамеренно.

– Я знаю об опасности, но если мы не воспользуемся одним из наших основных ресурсов, с тем же успехом можем сами разбить череп вдребезги. – Я бросила на Фуру пронзительный взгляд. – Почему ты упорно отказываешься идти в комнату костей? Ты была так увлечена, когда мы были в команде Ракамора, – всегда старалась доказать, что превосходишь меня по способностям. Если кто-то из нас и должен проявлять сдержанность, так это я.

– Это не было соревнованием, – холодно заявила Фура. – И если я, как ты выразилась, проявляю сдержанность... Ты понятия не имеешь, каково это – носить в себе подобную штуку. – По мере того как ее настроение ухудшалось, доселе едва заметный светлячок сиял на коже все ярче. – Я могу – и буду – его контролировать. Но мне не надо, чтобы в моих снах раздавались вопли пришельческих призраков, потому что моя голова и так полна фантомов, с которыми нужно бороться. Разве ты не удовлетворена тем, что теперь эта роль принадлежит только тебе? Кораблю нужен лишь один чтец костей, не так ли? А ты у нас такая способная.

– Как ты и сказала, это не соревнование. – Но, желая представить дело в менее тревожном свете и не дать ее настроению еще сильнее ухудшиться, я прибавила: – Это была просто парусная вспышка, и есть другие вещи, которые могут вызвать подобное явление. Никто не засек нас и не попытался напасть. Сейчас мы выходим в открытый космос и скоро ляжем на курс. Скорее всего, больше не увидим никаких следов этого корабля.

– Уверена, что ты права, Адрана. – Она протянула руку через стол и сняла магнитное пресс-папье с обложки тяжелой книги, страницы которой были длиннее в ширину, чем в высоту. – Нет смысла заикливаться на этом, во всяком случае, пока мы не получим больше

информации. – Она посмотрела на меня с явным беспокойством. – Вижу, ты встревожена. Хочешь еще один повод, чтобы заморочиться?

К чему она клонит? Любопытство оказалось сильнее меня.

– Еще одна вещь Босы?

– Из ее имущества, да, хотя не думаю, что созданная с ее участием. – Сестра пододвинула ко мне книгу. – Она могла это найти, захватить на каком-нибудь корабле.

– Или в шарльере?

– Нет, это создано во время нынешнего Заселения, как ты сама увидишь, поэтому сомневаюсь, что подобное могли написать, потом спрятать в шарльере и опять найти, причем на протяжении последних веков.

Книга распахнулась на странице с закладкой. Обе страницы были из тех, что можно вернуть несколько раз, но в данный момент Фура направила мое внимание на правую, из более плотной кремовой бумаги, тогда как левая выглядела тонкой и прозрачной.

– Открой и скажи, что ты видишь.

Я приподняла бровь:

– Опять командуешь?

– Нет, хочу сделать тебе подарок, чтобы отвлечь от других проблем. – Она изучала меня все более пристально. – Неужели ты думаешь, что я настолько самонадеянная, чтобы обращаться с сестрой как с подчиненной? Это ведь я пришла за тобой, Адрана, – я буквально рисковала жизнью и конечностями ради твоего спасения. Стала бы я так поступать, если бы не любила тебя, как положено любить родную сестру?

– Конечно нет, – ответила я слегка обиженно и чуть-чуть раздраженно. – Я никогда не забуду, что ты для меня сделала.

«Да и шансов забыть не так уж много», – добавила про себя.

– Ладно. А теперь сделай то, о чем прошу: открой книгу.

Я подчинилась, стараясь не порвать жесткую бумагу, когда расправляла ее. Страница удлинилась в четыре раза, едва не убежала за край стола, и мне пришлось придавить ее пресс-папье, чтобы гармошка не сложилась опять. Я сразу же узнала открывшуюся картинку и изумилась: ну и что тут загадочного? Передо мной хронология Заселений, хорошо знакомая нам по длинной стене исторического зала в Мазариле. Известная любому разумнику из почти любого мира Собрания, потому что подобные музеи есть повсюду и тысячи книг в школах и библиотеках содержат одну и ту же схему.

Слева направо шла красная линия с большими и маленькими вертикальными черточками, отмечающими миллионы и сотни тысяч лет. На этой линии через неравные промежутки времени, как последние сломанные столбы прогнившей изгороди, поднимались тринадцать Заселений – тринадцать случившихся после Раскола циклов, когда люди расселялись по Собранию и основывали цивилизацию. Колонны были очень узкими – заселения длились в лучшем случае несколько тысяч лет.

Обычно такие схемы сопровождались примечаниями. Например, Третье Заселение иногда называли Эпохой изготовителей шарльеров, потому что никому не удалось найти шарльер, который был бы старше. Восьмое Заселение часто называли Эпохой Двуглавых Владык. Одиннадцатое – либо Советом Облаков, либо Империей Вечно Набегающих Волн, либо и тем и другим сразу, в зависимости от заинтересованного лица. Это было сложно, потому что у экипажей имелась своя терминология, а у историков – несколько других, и они не всегда сочетались.

Однако здесь не было никаких пояснений – только колонны, окрашенные в тот же красный цвет, что и базовая линия.

– Полагаю, тут есть подвох, – сказала я. – Иначе ты не просила бы меня назвать то, что мы обе знаем как дважды два.

– Разверни левую страницу, душа моя. Она сделана так, чтобы ложиться поверх той, которую ты уже разложила на столе.

Я взялась за край полупрозрачного листа, а когда он достиг полного размера, прижала тем же пресс-папье. И нахмурилась.

– Это еще что?

– Загадка, которую, как я надеялась, ты сможешь объяснить. Только на самом деле это не загадка, поскольку смысл достаточно ясен. Но я не совсем понимаю смысл этого смысла, если можно так выразиться.

– Я тоже.

На полупрозрачном листе также была красная линия с рисками, которые в точности совпадали с теми, что на нижней странице. Другими словами, схема включала тот же временной промежуток. Но от базовой линии на полупрозрачном листе поднимался настоящий лес колонн, гораздо больше, чем жалкие тринадцать на главной временной шкале. Они были распределены равномерно – с рисками не совпадали, но расстояние между ними выглядело одинаковым.

– Их тут сотни, – сказала я.

– Четыреста сорок, если это имеет значение, – ответила Фура. – Паладин исследовал схему и получил ту же цифру. Напомни мне, Паладин, какие между ними интервалы?

– Каждая вертикальная отметка отстоит от предыдущей на двадцать две тысячи пятьсот лет, – сообщил робот.

– Теперь ты видишь, как они соотносятся с тринадцатью большими колоннами на нижнем листе? – спросила меня Фура.

– Большинство – никак.

– Но тринадцать отметок на обоих листах безупречно совпадают – Паладин это подтвердил.

Так оно и было на самом деле, насколько я могла судить, напрягая зрение и рассматривая полупрозрачный лист вместе с тем, что под ним, учитывая складки бумаги, толщину нарисованных чернилами колонн и прочее.

– Не знаю, что и думать, – сказала я. – Тринадцать Заселений очень хорошо вписываются в отметки на прозрачном листе. Но как насчет сотен, которые вообще с ними не совпадают? Они находятся в промежутках между Заселениями, а мы знаем, что в те периоды цивилизаций не существовало.

– Известных нам цивилизаций.

Я медленно кивнула. Время от времени историки допускали теоретическую возможность существования Теневых Заселений – маленьких ложных рассветов цивилизации, случавшихся между известными Заселениями. От них либо не осталось никаких следов, либо эти следы затерялись среди руин ведомых нам Заселений. Такая вероятность, полагаю, существовала, и она давала возможность историкам спорить на эту тему, что идеально соответствовало их темпераменту. Но, насколько я помнила, даже самый сумасбродный историк никогда не предполагал, что существовали сотни Теневых Заселений.

Что уж говорить про четыреста двадцать семь.

– Этого не может быть, – твердо заявила я. – Мы бы о таком уже знали. Оценщики рвали бы на себе волосы каждый раз, когда кто-то открывал очередной шарльер. Вся система рассыпалась бы. Но Тринадцать Заселений в систему, как правило, вписываются. Паладин, которое из них тебя сделало?

– Я робот Двенадцатого Заселения, мисс Адрана, и вам это прекрасно известно.

– И ты бы знал, если бы между тем и этим Заселениями случилось еще несколько десятков Теневых, не так ли?

– Не могу сказать с уверенностью, мисс Адрана. Большую часть времени я был пленником шарльера. Мне также приходится полагаться на исторические записи, собранные людьми.

– Жестяные головы знают только то, что мы им говорим, – сказала Фура, что было немного невежливо по отношению к слушающему нас Паладину.

– Где-то должны быть более старые роботы или роботы с лучшей памятью, верно?

– Удачи тебе в поисках, а если найдешь таких – в том, чтобы их разговорить. Это опасное знание, сестра. Я ничуть не удивлюсь, если жестяные головы ради собственного блага притворятся, будто им ничего не известно.

Я уставилась на листы, отчасти уверенная, что Фура подбросила мне эту головоломку в качестве отвлекающего маневра, зная, как сильно я люблю такие вещи. Но другая часть меня не могла удержаться – ее тянуло к этой схеме.

– Тринадцать линий, похоже, совпадают, – согласилась я. – Но не уверена, что это нам о чем-то говорит. Если бы ты попросила меня найти закономерность, соответствующую нашей временной шкале, уверена, это было бы не слишком трудно. Мы хорошо умеем отыскивать закономерности, но это не значит, что в них сокрыта какая-то глубокая истина.

– Это тебе не в Нейронном переулке по чайным листьям гадать, – укоризненно произнесла Фура. – Какой-то разумник приложил немало усилий, чтобы выявить систему, – и я думаю, в этом что-то есть.

– Так ты действительно считаешь, что существовали все эти Теневые Заселения, сотни Заселений, чьих следов никто еще не нашел?

Ее ответ был более обдуманным, более осторожным, чем я ожидала.

– Нет, не совсем так. Но, получается, нечто должно было происходить через означенные промежутки времени, а произошло всего лишь тринадцать раз – и это меня в той же степени озадачивает.

Мной овладело любопытство, и я убрала пресс-папье, сложила листы и просмотрела остальную часть тяжелого тома. Страницы были заполнены замысловатыми маленькими графиками, цифрами и вычислениями, а также любопытными алгебраическими закорючками и множеством схем, похожих на те, что были на раскладывающихся страницах, с дополнениями в виде временных шкал и меток.

Я поняла, что все это нарисовано и написано от руки. Чернилами и красками, очень тщательно, без единой кляксы или исправления. Почерк слишком уж аккуратный, решила я. Только сумасшедший мог с такой маниакальной аккуратностью – словно превратился в печатное устройство – заполнять страницу за страницей, излагая запутанные теории и ни разу не допустив какую-нибудь оплошность.

– Это работа либо гения, либо кого-то столь же безумного, как Боса. Она уничтожила все книги в библиотеке Ракамора. Почему с этой не поступила так же?

– Когда дело касалось Рэка, ею двигала злоба, – сказала Фура. – Но Боса была не против науки, если та совпадала с ее интересами. Она серьезно относилась к своим капризам и навязчивым идеям, и у нее было время разобраться в них. Много жизней, если учесть все тела, которые она сменила. Начав размышлять о значении пистолетов, шарльеров и пришельцев, об этих наших куцах Заселениях – о том, с чего они начинаются и как заканчиваются, – она естественным образом докопалась до сути и до вопроса о том, что делает человечество таким, какое оно есть. В ее безумной голове еще оставалось место для любопытства, как и у всех нас. Но ты же в курсе?

– Я была ее пленницей, а не лучшей подругой.

– И все же некоторые из ее навязчивых идей должны были передаться тебе, а это одна из них.

У меня не было ни малейшего желания возвращаться в прошлое, проведенное с Босой, поэтому я ценой немалых усилий проигнорировала подначки Фуры и сосредоточилась на непосредственной теме разговора.

– Согласна, это интересно.

– Так и знала.

– Но если во всем этом есть хоть капля правды, – продолжила я, постукивая пальцем по толстому тому, – не проще ли было бы спросить инопланетян?

– Тех самых инопланетян, которые, по словам Босы, были заняты торговлей мертвыми душами, застрявшими внутри пистолей? – поинтересовалась Фура, разминая пальцы. – Не поверю ни единому слову, которое протрещит мне какой-нибудь ползун.

* * *

Вблизи шарльера – или, если уж на то пошло, любого мира, в котором содержался поглотитель, – корабль, подобный нашему, имел благоразумную привычку уменьшать разброс парусов, иногда складывая и убирая их полностью, так что от корабля оставалась лишь крошечная твердая оболочка корпуса. Были и другие соображения. В гравитационные колодцы попадал мусор, втягивался, как грязь в слив раковины, и даже малое его количество могло нанести колоссальный ущерб раскрытым парусам. И это не учитывая возможности легкого саботажа со стороны конкурентов. Космоплаватели называли такую процедуру «убавлением на подлете к миру» – то есть при сближении или выходе на низкую орбиту требовалось убрать часть парусов, что даже в лучшем случае представляло собой очень муторный и сложный процесс.

Мы убавили паруса, когда подошли к Грохотуну, но не убрали их полностью, потому что корабль без парусов может ускоряться только с помощью ионных двигателей и он уязвим для засады. Теперь, выйдя из зоны влияния Грохотуна, мы опять шли, распустив пять тысяч акров площади сбора. Но чего нам это стоило! Ведь у нас все еще не было компетентного парусного мастера, а большинство механизмов управления и такелажных устройств – это если не учитывать черные как ночь паруса сами по себе – имели непривычный или вовсе незнакомый вид.

Конечно, у нас был Паладин, напрямую подключенный к системам управления парусами, так что он мог, в принципе, заниматься всем, что касалось такелажа. Но у робота не было «врожденного» знания небесной навигации или особых причуд этого корабля. Как и всем нам, ему приходилось учиться по ходу дела. Мы снабдили его всей оперативной документацией и инструкциями, какие только смогли найти, но команда Босы была настолько хорошо обучена, что, похоже, не нуждалась ни в каких наставлениях, кроме устных.

У нас были только Прозор и Тиндуф. Никто из них не был парусным мастером, но оба сменили достаточное количество кораблей, чтобы смыслить в этом искусстве гораздо больше, чем остальные, и когда они сталкивались лбами над определенной проблемой, было приятно поглядеть, как легко им удавалось найти решение. Они убрали и ставили паруса, когда мы приближались к какому-нибудь шарльеру, и с каждым разом получалось все удачней, а еще они научились изменять расположение такелажа и парусов наилучшим из возможных способов, сообразно изменениям курса.

Эта работа была тяжелой и в лучшие времена, с обычными отражающими парусами. Наши представляли собой нечто совершенно иное. Эти полотнища ловчей ткани были настроены на невидимый поток, на призрачный шторм, дующий прямо из ядра Старого Солнца. Они вели себя своеобразно – хлопали и вздымались в соответствии со своим капризным настроением, – и требовалось с неизменной внимательностью следить за механизмом управления парусами. Но самая большая хитрость заключалась в том, что паруса были черными с обеих сторон, на порядок чернее всего, с чем нам приходилось сталкиваться раньше.

Фура показала мне несколько лоскутков ткани из корабельных запасов, и я, пропуская их сквозь пальцы, словно пыталась удержать тень, состоящую из чернил. Она высказывала, как будто наделенная собственной волей. На ней не оставалось складок, и, будучи сложена двадцатикратно, она казалась такой же тонкой, как единственный слой.

Снаружи, в космосе, натянутая на молекулярных нитях такелажа, которые сами простирались на сотни лиг или больше, ловчая ткань в буквальном смысле представляла собой материю ночных кошмаров, особенно с учетом того, что от нее зависела наша жизнь. Тиндуф и Прозор могли разглядеть паруса, лишь когда те что-то заслоняли, то есть им по большей части приходилось высматривать на фоне черного неба нечто еще более черное. Желая убедиться, что наши адские паруса ведут себя так, как должны, Сурт и Тиндуф проверяли показания тензومترических датчиков на лебедках и инерционного компаса «Мстительницы».

Мы проклинали их, и все-таки они были нашим спасением. У нас были все основания прятаться, и паруса из ловчей ткани не позволяли другому кораблю увидеть «Мстительницу» иначе как с близкого расстояния. Именно это преимущество позволяло Босе заставить врасплох другие корабли и убивать их команды. Если увиденная Сурт парусная вспышка действительно свидетельствовала о другом паруснике, который обнаружил «Мстительницу», когда она затмила шарльер, – что ж, по крайней мере, благодаря парусам это случилось позже, чем могло бы. Теперь оставалось надеяться, что ловчая ткань унесет нас обратно во мрак и скрывается от преследователя будет не сложнее, чем ускользнуть от притяжения шарльера.

Что касается следующего пункта назначения, то вопрос оставался нерешенным. У нас был план – о нем не говорили вслух, но никто против него не возражал, – который заключался в том, чтобы еще несколько месяцев вскрывать один шарльер за другим, тщательно выбирая цели и держась подальше от чьей-либо сферы деятельности. Трюмы «Мстительницы» уже содержали значительное количество пистолетов и сокровищ, несомненно, отнятых у других экипажей, но к этому запасу всегда можно было что-то прибавить, и каждый шарльер был горнилом, в котором мы закалялись как команда. Более того, мы наслаждались таким испытанием.

Теперь этот план казался несостоятельным, пусть Фура и продолжала за него цепляться. У нас осталось слишком мало топлива, чтобы запускать катер так часто, как это требовалось. Мы вскроем один шарльер, может – два, если исчерпаем резервы до последней капли, но это лишь отсрочит неизбежное. Мы по-прежнему нуждаемся в мирах.

Это наверняка относилось и к Босе. Она зарабатывала на жизнь пиратством, но точно возникали ситуации, когда ей требовалось взять что-нибудь из мира, какой-нибудь редкий, но необходимый товар, выйдя за рамки обычного грабежа. Она не могла обчистить мир, прибегнув к силе, поэтому ей, должно быть, пришлось заниматься и чем-то похожим на законную торговлю, хотя, несомненно, задачу облегчали посредники и маскировка. Действительно, ходили слухи о такой деятельности. Они всегда касались только миров на краю Собрания, где пути сообщения таили в себе сложности, а верховенство закона ощущалось слабее, чем в ближних к Старому Солнцу процессиях.

Осмелимся ли мы последовать ее примеру?

– Мы не преступники, – говорила Страмбли, когда команда собралась на камбузе между вахтами. – Мы просто захватили корабль преступницы. Это не мешает нам вернуться к мирам и заняться честным бизнесом. Для начала нужно топливо, и определенно не помешают дополнительные рабочие руки. Вы, сестры Несс, всегда твердите о том, каким прекрасным разумником был ваш кэп Ракамор. Стал бы он управлять кораблем, имея так мало людей?

– У него было несколько преимуществ, которых мы лишены, – терпеливо ответила Фура. – Например, друзья, денежные резервы и возможность торговать, когда его это устраивало.

– Ну, друзья у нас не появятся, если мы будем прятаться здесь. – Сурт втянула щеки так, что на ее лицо стало неприятно смотреть. – Денежные средства-то у нас имеются – пусть

не на банковском счету, как у Ракамора, но в виде пистолей и реликвий. Мы уж точно не нищие. И нам определенно нужен парусный мастер, а также оценщик, да и один-два матроса не помешают.

– До сих пор мы управляли кораблем сами, – сказала Фура. – Можем продолжать в том же духе. В пределах легкой досягаемости еще много шарльеров, и если будем осторожно расходовать топливо и припасы...

– Нас чуть не сцапали мигальные головы, – сказала Страмли и содрогнулась, тасуя колоду металлических карт. – Если бы там, внизу, мы столкнулись с настоящей проблемой – по-твоему, Сурт и Тиндуф смогли бы нам помочь? Нас слишком мало для работы в шарльерах, и топливо тут ни при чем. Мы не можем продолжать в том же духе.

– Если бы нас было больше, – сказала Сурт, – мы могли бы постоянно дежурить в обзорной рубке.

– По твоим словам, ты видела только одну вспышку, – холодно проговорила Фура. – Это принято во внимание.

Стараясь не ссориться ни с сестрой, ни с тремя другими членами команды, я сказала:

– На практике мы можем вернуться к главным мирам Собрания, когда пожелаем. Но стоит учитывать, какой в этом кроется риск. Ты правильно выразилась, Страмли: мы захватили корабль преступницы. С нашей точки зрения это не делает нас преступниками, но надо понимать, как все выглядит со стороны. Помимо нас самих, никто толком не знает, что произошло.

– А мы объясним, – заявила Страмли, уставившись на меня глазами разного размера.

– Легче сказать, чем сделать, – ответила я с добродушной усмешкой. – Мы можем сколько угодно передавать свою историю по трещальнику, выражая добрые намерения, или даже воспользоваться комнатой костей, но хватит одного сомневающегося, чтобы дать по нам бортовой залп из гаусс-пушек, а ведь даже короткая трещальная передача легко выдаст наше местоположение. Пока мы не окажемся в порту и не объяснимся, никто не поверит ни единому нашему слову, а риск состоит в том, что нас расстреляют задолго до того, как мы доберемся до порта.

– Ну хоть кто-то из нас соображает, – заметила Фура.

– Я пытаюсь смотреть на проблему с разных сторон, – продолжила я. – Мне не нравится мысль о том, что я больше не увижу миры. Это не жизнь, даже если сумеем остаться в живых. Мы ведь не собирались становиться изгоями, не так ли? И даже если согласимся с твоей идеей и продолжим вскрывать шарльеры, пока удача от нас не отвернется, нет никакой гарантии, что найденного хватит для дальнейшей жизни.

Прежде чем ответить, она помолчала, оглядывая нас по очереди, даже молчаливого Тиндуфа, который, казалось, был готов принять от судьбы любой жребий, при условии что это не разлучит его с драгоценным ионным излучателем.

– Если вы так настроены, – сказала она таким тоном, словно у нее вырывали зуб, – то я не встану поперек дороги. Но по крайней мере признайте, что было бы безумием лететь к нижним процессиям или к любому миру, где есть шанс столкнуться с другими кораблями и экипажами.

– Согласна. – Я окинула взглядом остальных и убедилась, что они не возражают. – Но есть миры на краю Собрания, такие же далекие места, где Боса должна была заниматься какой-то торговлей.

– А как насчет Тревенца-Рич? – живо спросила Страмли, и ее большой глаз вспыхнул, как миниатюрная сверхновая. – Я не прочь поглядеть на Тревенцу, и там мы могли бы набрать новую команду, верно?

– Тревенца-Рич не годится, – сказала Фура с откровенным пренебрежением. – Я была там один раз, но с тех пор он, двигаясь по своей орбите, приблизился к Собранию. Этот мир очень густо населен, кишит шпионами и торговыми агентами, и там часто останавливаются

экипажи, работающие в открытом космосе. А еще там коррупция. Видин Квиндар сумел туда попасть и увезти меня на Мазариль, воспользовавшись лишь клочком бумаги.

– Есть еще двадцать тысяч других обитаемых миров, – сказала я. – Не так уж трудно найти тот, который соответствует нашим требованиям.

– Если ты считаешь это пустяком, сестра, окажи мне услугу. – Тут на лице Фуры мелькнуло некое подобие осмотрительности. – Нет. Если вы все позволите, я загляну в «Книгу миров» и поработаю со Стеклойной Армиллой, подыщу несколько кандидатов. Вы же согласитесь, что я неплохо разбираюсь в мирах?

Никто не мог возразить ей на этот счет. Она обожала уткнуться носом в какой-нибудь том «Книги миров» с тех пор, как научилась читать, и все еще тосковала по прекрасным изданиям, которые видела в библиотеке Ракамора. Могла отгарабанить названия двухсот миров, прежде чем я доберусь до двадцатого.

– Значит, сама хочешь выбрать? – спросила я.

– Нет! Я просто дам варианты, которые, по моему мнению, заслуживают вашего рассмотрения, и окончательный выбор будет за вами и только за вами. Я приму коллективное решение, но это не значит, что я его одобрю. – Фура сложила руки на груди. – По-прежнему считаю, что это самоубийственный образ действий. Но я далека от того, чтобы препятствовать моей собственной команде.

Глава 5

Пять дней спустя я сидела в рубке наблюдения, когда Старое Солнце начало бормотать, будто тихонько жалуясь. Завертелись магнитные компасы, и бледное пламя – иногда сиреневое, иногда индиговое – побежало по распростертой на многие лиги паутине нашего такелажа, порой приплясывая по периметру далекого паруса, очерчивая прямоугольник или шестиугольник чистейшей беззвездной тьмы.

Я наблюдала за происходящим с одним лишь отстраненным беспокойством. Пламя двигалось с какой-то игривой враждебностью, которая показалась мне скорее милой, чем угрожающей. На самом деле, напомнила я себе, причин для волнения немного. Солнечная буря могла стать временной помехой для работы некоторых наших приборов и узлов, но она должна была здорово усилиться, чтобы нанести серьезный ущерб. Паладин был в безопасности: Сурт установила предохранители в его проводке, так что он не испытал бы перегрузки от скачка напряжения.

Для нормального корабля было разумно уменьшить разброс парусов, что представляло собой проблему в ситуации, когда механизм управления обездвижен штормом. Но наши паруса из ловчей ткани отдавали нас на милость иных ветров. Иногда потоки усиливались и ослабевали синхронно, однако чаще бурление стихий на поверхности Старого Солнца никак не влияло на перепады настроения невидимого ветра, который хлестал из его ядра. Пламя само по себе показывало, что конфигурация снастей не пострадала и паруса не испытывают чрезмерной нагрузки. Тиндуф на корабле должен был следить за тензометрическими датчиками, а Паладин – консультироваться с инерционными гироскопами и звездными индикаторами, убеждаясь, что мы не сбились с курса.

Во время вахты я смотрела в телескопы – обыскивала все небо, раз за разом возвращаясь к тому участку, где Сурт видела парусную вспышку. У меня на коленях лежал открытый журнал наблюдений, а еще книга, которую Фура показала мне в своей каюте, с загадочной схемой Теневых Заселений. Сестра охотно разрешила мне ее взять, и в промежутках между всматриванием в окуляры я позволяла зрению восстановиться, изучая книгу при свете красной лампы.

Меня тянуло к книге, как тянет почесать царапину или потрогать языком больной зуб. Это не означало, что я была убеждена, что в ней есть смысл, не говоря уже о какой-то огромной тревожащей истине, которая обращала в насмешку все, чему нас учили в детстве. Я скорее думала, что эта книга – плод стараний безумного или коварного человека, предназначенный сеять безумие и путаницу, а не выявлять скрытую истину. Мое намерение состояло в том, чтобы найти ошибку или ложь и вернуть книгу Фуру, гордясь тем, что я расправилась с этой дурацкой идеей о неизвестных Заселениях.

Но у меня не получалось. По крайней мере, не получилось сразу, и когда мой красный огонек погас, ослабленный бурей, я даже не представляла себе, откуда следует пуститься в путь.

Зазвонил интерком.

– Я обнаружил повышенную солнечную активность, – сказал Паладин. – Было бы лучше, мисс Адрана, если бы вы вернулись в главный корпус.

Конечно, шторм не может причинить большого вреда кораблю, но этот стеклянный пузырь куда хуже защитит живой организм по сравнению с пятами брони и тепловой изоляции. Я отметила в журнале конец дежурства, закрыла телескопы и с помощью гидравлического рычага вернула обзорную рубку в корпус – как будто вставила глазное яблоко в глазницу. И выбралась через узкую дверцу, прижимая к груди только дневник безумца.

– Что, задувает? – спросила Страмбли, когда я миновала ее по пути в рубку управления. – Терпеть не могу штормы. Однажды вблизи от Дочерей Крови и Молока девятибалльный поймал корабль, шедший под парусами и с включенными на полную мощность ионными

двигателями, и все лебедки заклинило, так что пришлось послать половину матросов, чтобы перерезали такелаж специальными ножами, иначе судно разорвало бы на части притяжением Дочерей. А когда этих разумников вернули обратно, оказалось, что бедолаги все до единого зажарились в своих скафандрах...

– Я тоже слышала эту историю, – мягко прервала я ее рассказ. – Только все случилось возле Хранителя Свода, а не у Дочерей. Тиндуф рассказывал похожее про Слюнявого Пса. Спроси Прозор, и у нее найдется своя версия – держу пари, с другим кораблем и командой. – Я улыбнулась и положила руку Страмли на запястье. – Это просто страшилки. Кроме того, сейчас не девятибалльник, совсем не похоже, и даже будь оно так, наши паруса не надо убирать.

Она посмотрела на меня с легкой обидой:

– Только не подумай, что я струсила.

– Мне бы такое и в голову не пришло. И вообще, нам всем позволено время от времени немного трустить. Я бы сказала, это очень полезно для тех, кто хочет выжить.

Выражение ее лица было непроницаемым.

– После того, что Сурт рассказала Фуру, я проверила журнал наблюдений. Неужели она действительно видела парусную вспышку?

– Возможно, ей не померещилось, но было бы неразумно придавать этому слишком большое значение. Вероятность того, что нас здесь обнаружит другой корабль, очень мала, а вероятность того, что кто-то заинтересуется нами, еще меньше. Я не собираюсь из-за этого мучиться бессонницей. К тому же мы скоро выйдем на новый курс с новым планом. Если увидим хоть намек на вспышку позади, придется рассмотреть варианты. Но я сомневаюсь, что замеченный Сурт призрак снова появится.

– А этот новый курс... Выходит, Фура высказала свои предложения? – Страмли понизила голос. – Адрана, прошло уже пять дней. Сколько времени ей понадобится, чтобы вытащить пару имен из «Книги миров»?

– Именно по этому поводу я и собираюсь с ней повидаться.

– Рада, что хоть кого-то из нас удостаивают аудиенции. Скоро придется получать разрешение на то, чтобы встретиться с ней взглядом, не говоря уже о том, чтобы поговорить.

– У нее слишком много забот, Страмли, особенно после трудностей с Грохотуном. Она берет на себя ответственность за все, что с нами случилось, и это давит на нее время от времени.

Страмли медленно кивнула:

– Если ее светлость осчастливит нас своим выбором до окончания нынешнего Заселения, полагаю, мы будем благодарны ей за то, что сможем получить.

– Уверена, к концу дня варианты у нас будут. И забудь про шторм. Он не причинит никакого вреда. – Я пыталась поднять ей настроение. – Ты уже отработала вахту?

– Как раз домываю кастрюли и сковородки.

– Дам тебе знать, как только что-нибудь узнаю от Фуры.

– Ты хотела сказать, от капитана Несс, – уточнила Страмли и отвернулась.

* * *

На этот раз Фура оказалась в рубке управления, а не в своей каюте. Она стояла у Стеклойной Армиллы, которая была слишком громоздкой – да к тому же слишком хрупкой, – чтобы перенести ее в другую часть корабля, даже если бы мы этого захотели.

– Думала, ты все еще на вахте в обзорной рубке, – сказала Фура, когда я объявила о своем присутствии.

– Меня вызвал Паладин. От статических разрядов весь корабль светится, как фонарь, и это мешает глазам привыкнуть к темноте. Я уже несколько раз прочесала все сектора и ничего не увидела.

– Что ж, хорошо, что ты здесь, – кивнула сестра, поглаживая металлическим пальцем край Стеклоанной Армиллы. – Я готова представить ряд альтернатив команде, черт бы побрал ее настойчивость.

У нас были схемы и карты, описывающие шарльеры снаружи и изнутри. Еще имелись звездные карты, которые помогали в небесной навигации. Но такого рода записи не годились для трехмерного пространства Собрания, где миры находились в постоянном движении относительно друг друга. Через месяц любое фиксированное представление их позиций опасно устаревало. Через полгода многие из миров оказывались по другую сторону от Старого Солнца, что делало бессмысленными любые попытки рассчитать длительность рейса или спланировать более длительную экспедицию. Чем довериться подобным выкладкам, навигатор с тем же успехом мог бросить кости. Но космоплавателям нужно было на что-то положиться.

Вот так и возникла Стеклоанная Армилла.

На первый взгляд это была ажурная стекланная сфера, около трех с половиной пядей в поперечнике, объемистая и хрупкая, как декоративная люстра, заключенная в каркас, который казался лишь чуть менее уязвимым, чем сама стекланная конструкция. В сложенном виде Армилла превращалась в набор концентрических колец, всего тридцать семь штук, каждое из которых можно было повернуть под углом к своим соседям.

Кольца поворачивали, руководствуясь специальными таблицами, и фиксировали, благодаря чему устройство приобретало вид сферы. Ближайшее к центру Армиллы кольцо представляло собой первую из внутренних процессий Собрания и имело соответствующий номер. Посреди него был закреплен драгоценный камень, обозначающий Старое Солнце. Наружное кольцо имело номер тридцать семь.

Мазариль, наш родной мир, лежал в тридцать пятой процессии, то есть находился в одном из больших колец, самых далеких от центра.

Как и множество миров – сотни и тысячи, хотя только несколько сотен из них были названы и заселены.

У каждого из миров имелась своя орбита. Но в Собрании – так уж оно было устроено – эти орбиты существовали не сами по себе, а группами, и миры соответствующей группы двигались сообща, словно борзые по круговой трассе на собачьих бегах. Все миры в тридцать пятой процессии жили по собственным правилам, не покидая ее. Они могли время от времени удаляться друг от друга, не уходя слишком далеко за пределы кольца.

Ближайшие к Старому Солнцу миры двигались по самым быстрым орбитам, огибая его скорее, чем те, что на внешних границах. Они были включены в процессии с малыми номерами и обычно назывались Мелководьем или Солнечным Краем. Они были теплее, поскольку в полной мере пользовались энергией угасающего Старого Солнца и представляли собой желанное место для проживания, но навигация между ними была сложна, что придавало им некоторую исключительность. Так или иначе, основная масса людей поселилась в средних процессиях. Никто не мог точно сказать, где эти процессии начинаются и где заканчиваются, хотя обычно считалось, что с десятой по тридцатую. Во внешних процессиях, где миры расходились дальше друг от друга, торговля была трудной и малоприбыльной, экономика развивалась медленно, отставали мода и прочее. Последнюю группу процессий (включая и ту, к которой принадлежал Мазариль) называли Морозной Окраиной.

Конечно, нумерация процессий и их отображение в виде стекланных кругов была не слишком полезной вещью.

Внутри каждого кольца находилось несколько вторичных колец с собственными оттенками и нумерацией. Эти малые кольца искусным образом соединялись друг с другом, и их

можно было поворачивать вручную или точно регулировать с помощью штуковины, похожей на стеклянный часовой ключ – такой хрупкий, что его следовало хранить отдельно, запирая на собственный ключик. В каждой процессии существовало несколько таких колец второго уровня, и на каждом из них можно было цветным восковым карандашом обозначить мир, представляющий интерес. Отметив положение мира, можно было менять его день за днем. Процесс все равно был утомительный, ведь изначально кто-то должен был все рассчитать с помощью эфемерид³; но когда все метки оказывались на своих местах, становилось относительно легко следить за движением мира – по крайней мере, во время стандартного рейса или длительной экспедиции.

Не было никакой надежды пометить все двадцать тысяч заселенных миров; впрочем, обычно не было и такой необходимости. Судьбы миров все время менялись. То, что было важной торговой станцией в 1650 году, к 1750-му могло превратиться в ничтожное захолустье. В новом, 1800 году, чей лоск еще не потускнел, большинству капитанов и экипажей приходилось заботиться лишь о сотне или около того вероятных пунктов назначения, исключая шарльеры, а сотню миров можно аккуратно нанести на круги, чтобы потом день за днем, неделю за неделей следить за их перемещением.

С шарльерами все было по-другому, хоть метод и применялся схожий. Они обычно не двигались вместе с процессиями, и их орбиты бывали нерегулярными. Они часто уходили далеко за пределы внешних миров, на Пустотную сторону. Было бы непрактично отмечать их так же, как заселенные миры, поэтому они – если вообще обозначались – выглядели как красные шарики на концах длинных черенков, закрепленных в отверстиях, просверленных в Старом Солнце. Шарльеры были повсюду, до самых Солнечных Краев, а не только в Пустоши. Однако каперы обычно избегали шарльеров на глубинных орбитах, предпочитая оставлять столь легкую добычу картелям.

На кругах и черенках были выгравированы шкалы, указывающие, сколько минут требуется сигналу трещальника, чтобы дойти от одной точки до другой. Подобные сведения бывали полезны для переговоров и оповещения, но в первую очередь это был быстрый способ определения длительности рейса. Уходить от Старого Солнца было проще, чем двигаться в его сторону, однако, как правило, требовалось шесть месяцев, чтобы добраться от одной стороны Собрания до другой, – шестнадцать световых минут, если говорить не о корабле, а о фотоне. В случае парусника размером с «Мстительницу» (около четырехсот пядей от носа до хвоста) и экипажа, в котором было меньше десяти человек, соображения практичности позволяли без труда хранить на борту достаточно припасов, чтобы никто не голодал. В реальности же капитаны покупали необходимое на каком-нибудь заселенном мире, а потом планировали маршрут, который вел их по цепи шарльеров, в логической последовательности, учитывая время в пути от точки до точки и ауспиции, предвещающие открытие того или иного поля. Вдали от цивилизации приходилось проводить от трех до девяти месяцев.

Итак, с учетом всех упомянутых миров, втиснутых в пространство радиусом всего шестнадцать световых минут, – и еще принимая во внимание, что существуют миллионы миров, а не тысячи, – возникает закономерный вопрос: что же это за мудреный механизм работает миллионы лет, причем без сбоев?

Насчет последнего никто не может утверждать наверняка, но столкновения, должно быть, случаются очень редко. Мусор, конечно же, встречается – и кое-кто полагает, что это пыль миров, которые оказались на пути других миров. Но есть и иное мнение: эта пыль – всего лишь материал, оставшийся после того, как были выкованы пятьдесят миллионов миров. А

³ *Эфемериды* – таблицы координат, характеризующих положение небесных тел, вычисленное через равные промежутки времени. Практическое словоупотребление в астрономии допускает синонимичные варианты «эфемерида» и «таблица эфемерид».

еще есть те, кто считает, что мусор – свидетельство войны, случившейся внутри Собрания между Вторым и Третьим Заселениями.

Но самое лучшее объяснение – из всего, что я запомнила в Музее истории, – что мирам свойственно избегать столкновений. В точности как поглотители, которые есть внутри некоторых миров, существуют механизмы – можно назвать их чем-то вроде инстинктов, – которые не дают сбиться с пути. Поскольку такому корректирующему механизму достаточно внести совсем крошечное изменение, чтобы предотвратить столкновение, которое могло бы случиться через десять тысяч или даже миллион лет, мы никогда не ощущали их прямого влияния и, возможно, не ощути́м.

Для полноты картины должна сказать, что существует еще одна теория. Когда вокруг нет обезьян, которые могли бы что-то засвидетельствовать, между Заселениями появляется *нечто* и слегка подталкивает все миры в нужные стороны, корректируя орбиты в достаточной степени, чтобы уберечь от неприятностей еще на несколько тысяч лет. Может, так и есть на самом деле, но я предпочитаю первое объяснение, поскольку оно исключает любую возможность того, что коррекция производится в качестве одолжения. Проблема с одолжениями в том, что их всегда можно прекратить. А еще один нюанс с этим вторым объяснением заключается в том, что оно перепутывается с совсем другой тайной: почему вообще происходят Заселения.

Размышляя об этих сложностях, я невольно возвращалась мыслями к безумному дневнику, который все еще держала в руках и который беспокоил меня больше, чем хотелось бы.

– Опять гредишь наяву? – мягко спросила Фура, возвращая меня в настоящее и в рубку управления. – Смотришь в стекло, как загипнотизированная.

– Я просто подумала: до чего позорно, что такая редкая и прекрасная вещь оказалась во владении Босы Сеннен.

– Теперь Армилла ей не принадлежит, и это все, что имеет значение. Но ведь Боса хорошо о ней заботилась, согласись. – С помощью стеклянного ключика Фура потихоньку двигала один из кругов Стекло́нной Армиллы, а в другой руке держала открытую таблицу эфемерид.

– Внутри Босы таилась ярость, – проговорила я, вспоминая то время, когда была пленницей и подмастерьем пиратки. – Но она всегда предпочитала неторопливую жестокость бездумному насилию. Кроме того, она знала цену всему этому стеклу. Она была похожа на паука, поджидающего на краю широкой черной паутины, а это был ее путеводитель, указывающий, куда и когда двигаться.

Фура извлекла шарльер на черенке и осторожно переместила его, пропуская через узкие промежутки между кольцами, обозначающими процессии и орбиты.

– Она когда-нибудь рассуждала при тебе о таких вещах?

– Нет, – ответила я, стараясь быть правдивой и в то же время говорить то, что хотела услышать Фура. – Я докладывала ей о передачах, которые приняла в комнате костей, а потом она задавала один-два вопроса, когда приходила к какому-нибудь выводу. Мое мнение для нее ничего не значило. Это устройство я видела мельком, один или два раза, в тех редких случаях, когда Боса позволяла войти в эту комнату. Думаю, она боялась, что я могу разбить Армиллу ей назло.

– Даже после того, как ты увидела, что она сделала с нашей подругой?

– Я была уверена, что проживу недолго. – Я сглотнула, вспомнив, какое ужасное наказание постигло Гарваль, схваченную одновременно со мной. – Но были способы умереть и полегче, чем от рук Босы. Я не торопилась увидеть ее плохую сторону.

– Тебя послушать, так у нее была какая-то неплохая сторона. – Фура подошла к шкафу, положила стеклянный ключ и заперла дверцу. – Мы не посмеём идти в глубокие процессии, пока наше имя не очищено, а Тревенца-Рич даже не рассматривается. Значит, остается горстка подходящих миров, на которые мы могли бы взглянуть, приняв меры предосторожности.

Я понятия не имела, какие меры предосторожности она подразумевает, но мое любопытство было разбужено.

– Продолжай.

– Это мы. – Она дотронулась до черенка с черным шариком на конце, недалеко от красного шарика – Грохотуна. – А это три мира, которые я подыскала, в тридцать шестой и тридцать седьмой процессиях. Забудь о ярких огнях, потому что ни на одном из этих шаров жизнь не бьет ключом, даже если сравнивать с милым старым Мазарилем. – Она протянула руку к самой дальней паре колец, касаясь тех мест, где сделала восковые надписи. – Но они нам пригодятся, по крайней мере один из них. Картели редко заходят так далеко, а следовательно, мало шансов нарваться на корпоративные неприятности. Вряд ли поблизости будет много других кораблей, и если понадобится бежать, то вокруг полным-полно пустоты, где можно затеряться. Во-первых, у нас есть шарик из жеваной бумаги под названием Метерик – или Метрик, зависит от того, в какое издание «Книги миров» заглянешь. Это в тридцать шестой. Мир-сфера, не слишком отличающийся от нашего дорогого дома. Пара портов, несколько городов, вернее городишек, с общим населением около трехсот тысяч человек, хотя информация, возможно, немного устарела.

– Ты права, по сравнению с ним Мазариль – центр Собрания.

– Мы не можем даже приближаться к тем местам, где полно народу. Или захолустье, или ничего, душа моя. Но любой из нас, кому не нравится эта новая жизнь, сможет остаться там и дожидаться корабля, идущего в более оживленное место.

– А какова вероятность вербовки нужных нам матросов?

– Что тут скажешь? Есть шанс, что найдутся люди, которые сыты по горло Метериком и готовы попытать счастья с новой командой, если мы не будем слишком разборчивы. Это сферический мир, так что придется оставить корабль на довольно большом расстоянии и потратить остатки топлива, чтобы добраться на катере.

Я скорчила гримасу, выражая сомнения. Будь у нас выбор, я бы предложила найти мир без поглотителя, чтобы перемещаться между ним и кораблем без особого труда.

– А следующее место?

Фура немного передвинула ладонь, но оставила ее на той же процессии.

– Катромил. Трубный мир. Население по последней переписи – около ста пятидесяти тысяч человек. Одно-единственное крупное поселение, но я слышала, что это неплохое место для ведения дел. Нет поглотителя, чтобы создавать нам проблемы, так что можно подойти достаточно близко под парусами, не рискуя порвать их в клочья, и не сжечь слишком много топлива, курсируя туда-сюда.

– Звучит идеально.

– Из трех вариантов этот мне нравится больше всего, раз уж я вынуждена одобрить этапы плана. И все же я бы предпочла, чтобы мы ограничились большим количеством шарльеров, а не рисковали контактом с цивилизацией. Тем не менее считаю своим долгом указать на небольшой недостаток.

– О чем ты?

– У них есть зуб на Босу.

Я пожала плечами:

– У кого его нет?

– Этот длиннее обычного. После краха восемьдесят первого на Катромиле настали тяжелые времена, поскольку он не был звеном какой-нибудь явной торговой цепи. Чтобы выбраться из ямы, торговая палата вложила почти все ресурсы в собственную экспедицию. Снарядила корабль в надежде, что будет найдено нечто, способное изменить судьбу населения.

Я кивнула:

– Та же блестящая идея, что и у нашей палаты с капитаном Ларом.

– По крайней мере, капитан Лар вернулся. Экспедиции Катромила повезло еще меньше: она столкнулась с Босой у Разрыва Дарган. Боса уничтожила экспедицию и разорила ее спонсоров, причем оставила достаточно улики, чтобы было ясно: это ее рук дело. Как можно догадаться, городские старейшины на Катромиле с тех пор лелеют кое-какие дурные помыслы. Раз в год они устраивают парад, после чего разводят большой костер и сжигают чучело Босы. И все же мы не Боса, не так ли? – Фура задержала на мне взгляд, как будто провоцируя оспорить этот последний пункт. – И пока мы не дадим повода подозревать обратное, у них нет причин отнестись к нам негостеприимно. Я решила упомянуть об этом только для того, чтобы ты знала: в нашем супе плавают такая муха.

– Фура, мне кажется, если нам и следует избегать каких-то мест, так это тех, где испытывают к Босе особую неприязнь. Как насчет третьего варианта?

– Не думаю, что он годен.

– Все равно расскажи.

Ее палец перескочил к тридцать седьмой процессии и опустился рядом с восковой надписью.

– Колесо Стриззарди. Колесный мир, как можно догадаться. Подойти к нему будет так же просто, как к Катромилу, с учетом нюансов. Население – около трехсот пятидесяти тысяч, так что здесь немного оживленнее, чем в других местах, хотя не стоит придавать этому слишком большое значение, ведь перепись проводилась очень давно...

– Раз там есть люди, значит он нам подойдет. Прости, но мне кажется, что этот вариант намного лучше предыдущих. Метерик неплох, если не считать топлива и неприятностей, которых стоил бы нам этот визит, но я предпочла бы иметь дело с миром из тридцать седьмой процессии, а не тридцать шестой. Разница всего в одну процессию, но между внешними орбитами сведения быстро теряются.

– Как и опыт космоплавателей и торговцев. Но разве Колесо Стриззарди не слишком глубокое захолустье? Тот, кто решит покинуть нас, окажется на краю цивилизации.

– Мы оповестим об этом всех, прежде чем кто-то решит списаться с судна, – сказала я. – Между прочим, то, что ты сказала про Метерик, относится и к Стриззарди. Если там застряли какие-нибудь разумники, мы сможем набрать новых матросов.

– Мм, – с сомнением протянула Фура. – Я все-таки предпочитаю Катромил.

– Тогда почему ты предложила Колесо Стриззарди, если так настроена против него?

– Буду честна. Я знаю, что на «Мстительнице» царит определенное настроение – кое-кто думает, что я вышла за пределы полномочий, всегда добиваясь своего. – Она убедительно изобразила сожаление, даже складки появились у рта. – На этом корабле было немало монстров, я не хочу стать еще одним. Так что проявлю гибкость.

Это удивило меня, в хорошем смысле, но я сделала все возможное, чтобы принять услышанное без фанфар.

– Я изложу твои доводы честно и прямо, даю слово.

– Мне не нужно твое слово, сестра. Я верю, что ты поступишь правильно по отношению ко мне – и ко всем нам.

Зазвонил интерком. Фура бросила на него сердитый взгляд:

– В чем дело?

– Мисс Арафура, – сказал Паладин, – солнечное погодное явление ослабевает. Согласно последним прогнозам на всеобщей волне трещальника, новые возмущения не побеспокоят нас по крайней мере неделю.

– Мы с Адраной будем слушать кости на тот случай, если на горизонте появится что-нибудь еще. И это все, Паладин?

– Нет, мисс Арафура.

Фура переключила интерком на личный канал, чтобы было слышно только в рубке.

– Продолжай, Паладин, – сказала она.

– На пике шторма, когда наши операционные системы испытывали наибольшие помехи, я обнаружил тревожные сигналы от нескольких корпусных приемников.

– Это связано с самим штормом? – спросила я, думая о том, что электромагнитные помехи уже свели с ума наши компасы.

– Не уверен, мисс Адрана. Вполне возможно, что шторм вызвал ложные сигналы в ряде моих сенсорных цепей, и я учел такую возможность, где это представлялось разумным. Но есть также вероятность, что другой корабль обнаружил нас с помощью локационного импульса.

Глава 6

Паладин был прав насчет шторма, однако после того, как он утих, наше беспокойство усилилось. Я хотела бы знать наверняка, что произошло, но, как и замеченные Сурт две парусные вспышки (лишь одна из которых попала в официальный журнал наблюдений), инцидент посеял еще большую тревогу. Прежде всего, шторм действительно мог сбить с толку бортовые приемники и они могли выдать ложные показания, создав впечатление, что нас засекли с помощью локационного импульса, хотя на самом деле ничего не случилось.

Но если один корабль действительно преследовал другой и хотел обнаружить его, чтобы поточнее определить положение и дистанцию, то период повышенной солнечной активности был именно тем временем, когда можно на такое отважиться. Если все проделать быстро, ограничиться одним локационным импульсом, то нам будет трудно отличить его от ложных показаний, вызванных штормом, и у другого корабля будет совсем мизерный риск выдать собственное местоположение. Поскольку наше оборудование уже давало сбивчивые показания, а наиболее чувствительные приборы были втянуты в корпус, овчинка стоила выделки. Я представила себе человека, который ссутулится над мерцающим экраном подметалы в рубке призрачного преследователя, держа руку на кнопке в ожидании момента, когда шторм обеспечит максимальную путаницу и можно будет послать локационный импульс. Через секунду наш корабль появился бы на экране подметалы в виде тусклого, расплывающегося пятна. Наш корпус был антрацитовым, паруса – чернее самой тьмы, но, отразив лишь малую долю импульса, «Мстительница» выдала бы свое местоположение.

Идеальный расклад. Можно было бы под прикрытием шторма послать локационный импульс в сторону преследователя, воспользовавшись той же сумятицей, но мы о таком не подумали, а теперь шторм слабел, и вряд ли имело смысл запускать подметалу. Если это сделать, обе стороны в точности узнают, где находится противник, и установится в некотором роде паритет. Но ведь мы не уверены, что нас засекли, а значит, запуск подметалы лишит нас секретности – преимущества, которым мы еще обладаем.

Если там вообще есть другой корабль.

Но сенсоры Паладина засекли импульс, исходящий из той же части неба, что и парусные вспышки. Список любопытных вещей, в которые я верила, все удлинялся, но совпадения в нем не значились.

* * *

Я повернула колесо замка, открыла дверь, вошла в тесное пространство без окон, а затем заперла дверь изнутри, затянув колесо до упора.

Череп занимал большую часть комнаты, он был подвешен к сферической стене с помощью тросов, каждый из которых по всей длине был снабжен пружинами, гасящими любые вибрации. Череп был вытянутый, как лошадиный, но гораздо крупнее, и, найдись в нем достаточно большая дыра, я бы легко пролезала внутрь и использовала его как койку. Не то чтобы мне этого сильно хотелось. Сквозь глазницы размером с кулак виднелся интерьер, напоминающий пещеру: тонкие гребни, костяные перегородки, а еще завесы из ткани, похожей на марлю. И по всему внутреннему пространству рассеяны сотни крошечных огоньков, соединенных тончайшей паутиной: кружевные останки чужеродных нейронных цепей.

Эти огни встревожили меня задолго до того, как я впервые увидела мигальную башку; теперь же тревога вызвала дрожь. Огоньки мерцали, потому что какой-то загадочный процесс все еще продолжался, хотя череп лишился почти всей органики. Это было похоже на город,

чье население полностью вымерло, чья цель существования исчезла. Окна пустых зданий не светятся, ветер гоняет мусор по безлюдным улицам, но светофоры все еще горят, поезда метро ездят, а биржевые машины печатают бумажную чепуху.

Я убедила себя, что мигальная материя – всего лишь механизм, который никто не выключал, умный достаточно, чтобы делать свою работу, но недостаточно, чтобы понять, что его хозяин умер. Мигание продолжалось, потому что материя пребывала в контакте – точнее, пыталась восстановить контакт – с другими черепами, отдаленными неживыми родичами этого однажды явившегося в Собрание пришельца.

Это было удобно для нас – я имею в виду экипажи, – потому что давало еще один способ связи, помимо трещальника: мы могли запечатлевать собственные сообщения, встраивать их в инопланетные шепоты.

Трудность заключалась в том, что лишь немногие люди обладали способностью посылать и принимать сигналы через черепа.

Я была из таких. И Фура.

Из обладающих этим даром лишь один на тысячу по-настоящему хорош. Проблема в том, что способности постепенно исчезают, по мере того как нейронные структуры мозга затвердевают и превращаются в фиксированные паттерны зрелости. Мистеру Казарей, который учил нас с сестрой, было чуть за двадцать, когда он начал терять свой талант. К тому времени его синапсы уже сделались жесткими, больше не могли приспособиться к черепу. Казарей все еще мог читать череп на «Монетте», но его способность уменьшалась, и он никогда не смог бы настроиться на другой.

Мне было девятнадцать, а Фуре уже перевалило за восемнадцать. Мне приходилось время от времени напоминать себе об этом, так как событий прошлого года хватало на несколько жизней, и бывали дни, когда пережитое отражалось на наших лицах и мы чувствовали себя старыми не по годам. Но все же мы не достигли того возраста, в котором был мистер Казарей, и это означало, что нам предстоит еще несколько лет надежной работы с черепом. Сколько времени пройдет, прежде чем способности угаснут постепенно или резко, – никто не мог сказать.

Я подошла к той части стены, где висели нейронные мосты, сняла один с крючка и водрузила на голову, надавливая, чтобы индукционные прокладки прилегли поплотнее к коже. Мост был снабжен накладками на уши и парой шор для глаз. Еще была выпуклость на левом виске, внутри которой находилась катушка для контактного провода.

Я вытащила контактный провод, сжимая маленький штекер, словно штопальную иглу.

Помимо отверстий для опорных проводов, в черепе были просверлены углубления для десятков металлических гнезд, расположенных в произвольном порядке. Это были точки подключения, где с помощью контактного провода от нейронного моста можно было зафиксировать достаточно стойкий сигнал.

Если бы он оставался на одном месте, жизнь чтеца костей была бы намного проще. Но половина искусства заключалась в том, чтобы гоняться за этим сигналом по всему черепу, как за крысой, бегающей под половицами.

Иногда он был очень слабым, иногда отсутствовал. А то и вовсе пропадал – именно поэтому капитанам приходилось искать новые черепа. Новые не в буквальном смысле: все черепа были древними, но для них имелся рынок, и время от времени какой-нибудь удачливый разумник находил в шарльере череп; если тот оказывался в рабочем состоянии, вопрос пенсии можно было считать решенным.

Когда-то этот череп, возможно, и был хорош, но пользоваться им становилось все сложнее, и доказательства тому были повсюду. Никто не просверливал так много входных отверстий, если только сигнал не становился неуловимым. Гнезда были помечены символами, нанесенными чернилами на кость: даты и сила сигнала. Все очень методично, как любила Боса.

Она хотела знать, с какой скоростью этот череп приходит в негодность, чтобы заранее спланировать приобретение следующего. Когда Фура устроила ловушку для Босы, частью приманки было обещание украсть свежий череп у капитана Труско. Но череп Труско погас, как только мы попытались перевезти его с одного корабля на другой, и пришлось положиться на экземпляр Босы.

Сколько он протянет, можно было только гадать. Все эти отверстия рисковали нарушить его целостность. По всей длине тянулись глубокие трещины, суженные металлическими скобами, но особую тревогу вызывали именно скрытые дефекты, которые незаметно накапливались внутри, пока череп не разваливался при малейшем контакте.

– Смелее, – прошептала я, потому что все еще не находила в этом процессе ничего естественного или приятного.

Череп дернулся на пружинах, когда я подключилась, но вскоре успокоился. Я пренебрегла защитными очками и наушниками, и мне не нужно было выключать свет. Я испытывала по этому поводу бессмысленную гордость.

Ведь мне все-таки пришлось опустошить разум, чтобы предложить его черепу.

Это куда сложнее, чем просто заглушить обычный хаос мыслей. На такое способен любой разумник, но для того, чтобы выдавить из черепа хоть намек на сигнал, нам с Фурой понадобилась многодневная практика.

Наверное, когда-то даже Казарей сомневался, что у нас есть дар. Внутри собственных черепов мы должны были отыскать потайные окна и двери – обычно запертые на засов, причем неспроста, – и распахнуть их настежь, чтобы впустить слабый ветерок. Этот ветерок пробирался через темные, сырые подвалы наших разумов, через пыльные комнаты и забытые коридоры, взвивался спиралью по потайным лестницам и наконец-то достигал сознания.

Иногда ветер появлялся сам по себе, не принося никаких сообщений. Это означало, что череп активен и шепчет мне, но никто не использует другой такой же, чтобы передать послание. Все равно что взять трубку телефона и услышать гудение, но никакого голоса.

Я воткнула штекер в соседнее гнездо. Ветер отсутствовал. Судя по меткам рядом с этими входами, они уже давно неисправны. Но проверить не помешает.

Я подключалась, отключалась, слушала.

И вдруг ощутила самый краешек чего-то. Вороватое, увертливое присутствие, которое одновременно существовало и не существовало. Канал входа был активным, и нечто появлялось и исчезало, когда я двигала пальцем по проводу.

Я беззвучно шевельнула губами: «Что-то есть».

До той поры я была одна в комнате костей, но теперь делила пространство с бестелесным гостем, который вполне мог быть и неразумным, но в то же время полностью осознавал мое присутствие, наблюдал и реагировал.

Это был несущий сигнал черепа, означающий, что тот активен, способен вести и передачу, и прием. Мигающая материя теперь, когда я разбудила череп, блестела ярче и настойчивее.

Из глазниц вырывались узоры разноцветного света.

Пришлось еще сильнее сосредоточиться, чтобы уловить обезьяний сигнал, оседлавший несущую волну, потому что его модуляции были в сотни, если не в тысячи раз слабее. На нейронных мостах имелись круглые ручки настройки и ползунки для усиления сигнала. Это усиление всегда делалось с осторожностью и лишь после обнаружения стабильной несущей волны.

Ну наконец-то.

Я не то чтобы слышала разговорную речь, а скорее осознавала пустоты, которые остались бы в тишине на месте изъятых слов. Что-то вроде негативных отпечатков. По большей части

они были холодными, как типографские литеры, и начисто лишены естественных интонаций.

Я обзавелась привычкой записывать слова – проговаривая их про себя и запоминая на достаточно долгое время, чтобы потом нацарапать несколько строк в журнале сообщений, – продолжая воспринимать поступающие сведения. Это был особенный навык.

...Прошу подтверждения ауспиций для Слепого Пятна, Ракушки и Желтого Шута. В ответ предлагаются сведения о мятеже на двух судах, представляющих взаимный интерес...

Ни то ни другое не предназначалось нам и не могло принести непосредственной выгоды. Один безымянный корабль послал сообщение другому, будучи уверен, что они переговариваются наедине. Вероятно, эти корабли в прошлом имели дружеские отношения и уже не в первый раз обменивались сведениями. Может, у них были парные черепа, полученные из одного и того же шарльера; или чтецы – родня, как мы с Фурой; или и то и другое. Еще они могли пользоваться слабым шифрованием – кодами, обманными указаниями – или просто полагаться на то, что третья сторона не настроится в определенный момент на определенную частоту. Может, это и вовсе был капер, посылающий сигнал во все стороны, выпрашивая объедки.

Я слышала только одну сторону в вероятном диалоге. Голос был отчетливым, но звучали и другие – то появляясь, то исчезая, как рябь на воде, так что я могла уловить только отдельные слова, в лучшем случае фразу.

...Покупка десяти тысяч лиг ярдажа с тройным волокном... Стоит учесть, что катер с налоговиками в последний раз видели... Потеряли кормовые завал-тали во время фотонного шквала... Пятнадцать многомерных пистолей за спасенное имущество... Срочно требуется фельдшер... Когда мы вышли на орбиту Когтя Блэка... Прихватите дыхаль и лучших лекарственных помощников...

Разные голоса, шепчущие из разных черепов, с разных кораблей. Всегда корабли, за редким исключением. Черепа не работают должным образом на мирах, иначе банки и картели давным-давно опустошили бы рынок старых костей. Слишком ненадежный способ для этих разумников. Слишком жуткий.

Чтобы различать второстепенные голоса, требовался хороший чтец, но я причисляла себя к лучшим. Под этими шепотами простирался еще один слой, который читался еще труднее, и все же я знала, что он лежит в пределах моих возможностей – при условии, что череп не капризничает и все другие факторы работают в мою пользу. Вытеснив болтовню более высокого порядка из сферы внимания, я напряглась и прислушалась к тому, что лежало за ее пределами. Тишина поднималась и опускалась, заполняя мое сознание ревушей пустотой. Я знала, что рано или поздно услышу голос там, где его нет. Но если сосредоточусь как следует, то смогу уловить истинное сообщение, скользнувшее под слоем всех прочих.

Вот.

Не слово, не звук, но присутствие другого обезьяньего разума, соединенного с другим черепом. Я не могла сказать, близко этот разум или далеко, но он тянулся ко мне, и не потому, что желал контакта, – в этом случае присутствие было явственнее и настойчивее, – но потому, что некто был заинтересован в познании моей природы. Наши умы соприкоснулись на этом слабом уровне взаимодействия, и мы одновременно отпрянули. Однако кратчайшего контакта оказалось достаточно. Я ничего не узнала об этом разуме, не получила ни малейшего представления о человеке, который, возможно, находился в другой комнате костей, за тысячи или даже миллионы лиг отсюда, но он или она очень старались исключить два слова из своего мыслительного процесса – те два слова, которые выдавали слишком глубокое понимание того, кто мы такие.

И все же эти слова продолжали просачиваться.

Рассекающая ночь.

* * *

На следующей благоприятной вахте я заварила чай, нарезала горячего хлеба с маслом и, собрав остальных на камбузе, выложила им все подробности нашей ситуации, становящейся все более мрачной. Вокруг стола расселись Прозор, Страмли, Сурт, Тиндуф и я. Отсутствовала только Фура, которая предпочла побыть в своей каюте, пока не узнает вердикт, чтобы никто не решил, будто она влияет на происходящее.

Стоит признать, это было благоразумно с ее стороны. Даже если бы она ничего не сказала, ей было бы трудно не вмешаться в разговор посредством мрачной ухмылки или хмурого взгляда.

– Если ты здесь, чтобы сказать нам, что она в очередной раз передумала... – предостерегающе начала Страмли.

– Нет, она обещала подыскать для нас место назначения – и сделала именно это.

– Я слышала, нас засекли, – сказала Сурт. – И сигнал пришел с той же стороны, где я видела парусные вспышки.

– Я думала, вспышка была только одна, – проговорила Страмли, слегка нахмурившись. – Так их было несколько?

– Одна вспышка, о которой мы можем говорить наверняка, – сказала я. – И сигнал подметальной тревоги – в самый разгар шторма, когда я меньше всего склонна доверять нашим приборам.

– Значит, ты не думаешь, что за нами следует корабль? – спросила Сурт, скрестив руки на груди.

Я ни словом не обмолвилась о происшествии в комнате костей даже Фуру, и у меня не было настроения усугублять беспокойство Сурт, пока мы не разберемся с нашим затруднительным положением.

– Паладин не мог с уверенностью сказать, откуда взялся локационный импульс, если он вообще был настоящим. Да, это та же самая часть неба, где была парусная вспышка, но если мы начнем вздрагивать от каждой тени...

– Мне это не нравится, – сказала Страмли.

– Тебе куча всяких вещей не по нутру, – заметил Тиндуф так просто и беззлобно, что даже Страмли не сумела бы обидеться. – А я вот сестренкам Несс доверяю. Ежели они говорят, что за нами нетути корабля, – я им верю.

– Ты доверяешь кому попало, – покачала головой Сурт.

– Всенепременно, – согласился Тиндуф. – Пока он не напакостит мне, что бывает лишь одна.

– Если существует корабль, который нами интересуется, – сказала я, – он пойдет следом. В противном случае это просто мираж или какой-то совершенно посторонний парусник, оказавшийся здесь случайно. В чем нет состава преступления.

– И что же это, по-твоему, Адрана? – спросила Страмли.

– Я думаю, нужно забыть об этом до тех пор, пока не изменим курс.

Страмли откусила от ломтя и стерла масло с губ.

– Значит, Фура составила для нас план, да? Положившись на свой многолетний опыт в подобных делах?

Тиндуф постучал глиняной трубкой по столу. Он мягко улыбнулся и своим обычным примирительным тоном сказал:

– Давайте взглянем, чего она придумала, а потом будем приговоры выносить, ага?

Прозор выпила чаю.

– Это нам не навредит.

– Фура не вслепую делала свой выбор. – Я развернула тряпку с рваными краями, на которой отметила названия и основные детали потенциально пригодных для нас миров, и закрепила ее на столе четырьмя маломмерными пистолками в качестве магнитов. – Она сочла, что лучше всего искать варианты во внешних процессиях, и я не думаю, что кто-то из нас станет по этому поводу возражать. Затем она сузила круг поисков, оставив только те миры, которые находятся немного в стороне от проторенных дорог. Мы не хотим слишком приближаться к месту, где идет бурная торговля, – оно, вероятно, кишит кораблями, и кто-то может понять, что мы собой представляем.

– Плевое дело, – хмыкнула Страмбли.

– Фура и это учла, – продолжила я. – Но я вернусь к подробным деталям, как только мы определимся с выбором. Так вот, я не хочу, чтобы вы решили, будто я исключаю какое-то место, прежде чем мы его обсудим. Первый из кандидатов Фуры – мир под названием Метерик, и он кажется достаточно хорошим для наших целей, но единственный из трех обладает поглотителем. То есть крутым гравитационным колодезцем.

– Нам не подойти слишком близко под парусами, – сказала Прозор. – Значит, перемещение туда-обратно – только на катере.

– Если бы с горячим капитана Рэка дела пошли лучше, это не было бы проблемой, – сказала я. – Но так уж вышло, что мы не можем себе позволить расточительность, а путешествие к миру, подобному Метерику, ничего не оставит от наших запасов.

– Я правильно догадываюсь, что два других варианта попроще? – спросила Сурт.

Я кивнула:

– Катромил и Колесо Стриззарди. Полагаю, ни у кого из присутствующих нет опыта прямого взаимодействия с этими мирами?

– Встречала как-то разумника, который бывал на Катромиле, – сказала Прозор, не пожелав вдаваться в подробности. – А сама я побывала в сотне колесных миров, но никогда не слышала о Колесе Лиззарди...

– Стриззарди, – сказала я.

– Об этом тоже не слышала.

– Оба мира в отдаленных процессиях, – продолжила я, постукивая пальцем по ткани. – Ни тот ни другой не назовешь пульсирующим средоточием цивилизации, но нам такое и не нужно. Нам требуется место достаточно тихое и сонное, где можно без лишних хлопот разобраться с нашими делами. У того, кто захочет покинуть нас, будет вдоволь возможностей. Не исключено, что придется ждать несколько месяцев шанса купить куда-нибудь билет, но мы беремся покрыть расходы.

– Только не болтайте о своих приключениях, – предупредила Прозор. – Иначе нам придется вас разыскать и отобрать денежки.

Я улыбнулась Прозор, расценив ее слова так: какими бы ни были планы других, она останется на «Мстительнице».

– Сомневаюсь, что кто-то распустит язык. Это небезопасно. Фура нравится Катромил, но у него есть одна особенность, о которой, я думаю, вы все должны знать.

– И какая же? – спросила Сурт.

– Его жители – не друзья Босы. – Я рассказала о спонсированной экспедиции и постигшей ее судьбе. – Ее там ненавидят всеми потрохами, и было бы неразумно впутываться в эту вражду. Если они заподозрят, что мы как-то связаны с Босой, все пойдет кувырком.

– И вряд ли кого-нибудь заинтересует наша версия, – прибавил Тиндуф, прежде чем глубоко затянуться трубкой.

– Да, проблема, – кивнула я здоровяку. – Если бы это зависело от меня, я бы не рискнула подвергнуть испытанию их оскорбленное чувство справедливости.

– Значит, надо держаться подальше от Катромила, – сказала Страмбли. – Без всякой гарантии, что в другом месте будет лучше.

– Мы не узнаем наверняка, пока не доберемся туда, – сказала я. – Но одно точно: подобных общеизвестных эксцессов, связанных с Босой, там не было. Значит, нет причин убояться нас с первого взгляда.

Сурт скептически скрестила руки на груди:

– Это действительно лучшее, что она придумала?

– Иногда вытягиваешь короткую соломинку, – сказала я. – А иногда все, что у тебя есть, – это короткие соломинки. Я согласна, ни один из вариантов не выглядит многообещающим, но доступные нам возможности ограничены. Каждый из нас мог бы воткнуть булавку в «Книгу миров» и найти место получше, но придется обойтись теми местами, где мы не нарвемся на неприятности и не встретим другие корабли. Боюсь, что это исключает большую часть Собрания.

– Значит, Колесо Стриззарди, – решила Прозор, – если только у него нет каких-нибудь недостатков.

– Насколько мне известно, нет, – ответила я.

Остальные что-то пробормотали и неохотно кивнули.

– Если это все варианты, Адрана, – сказала Сурт, – то, я полагаю, выбираем третий. Сэкономим топливо.

Страмбли потеряла шею.

– И сбережем голову на плечах. Мне так больше по нраву. Тиндуф?

– Я беру то, что дают. – Он задумчиво постучал по трубке. – Но одна мыслишка бережит старому Тиндуфу душу, Адрана. Может, они и не ссорились с Босой открыто, но это не значит, что отнесутся к нам по-дружески, когда увидят наши паруса, – точнее, когда ничегошеньки не увидят, что тоже плохо. Они все равно смекнут, кто мы такие и чего учудили.

– Он прав, – заметила Прозор.

– Они увидят наши паруса, – сказала я. – По крайней мере, некоторые из них. Боса не была душой, она знала, что бывают случаи, когда нужно выдать себя за мирный корабль. Так что в трюме есть запас обычных парусов, чуть меньше двух тысяч акров. Они в плохом состоянии – скорее всего, сняты с кораблей, которые она ограбила после бортового залпа из гаусс-пушек, – но Боса не собиралась использовать их вместо ловчей ткани.

– Так какая нам от них польза? – спросила Сурт.

– Можно повесить их снаружи на обычном такелаже, – подхватила идею Прозор. – Не имеет значения, сколько в них дырок, главное, чтобы с пары сотен лиг никто не разглядел.

– Зачем было Босе возиться с этими парусами, если она никогда не приближалась к цивилизованным портам? – спросила Страмбли.

– Иногда приближалась, – возразила я. – Кроме того, парус занимает не так уж много места, если его упаковать как следует, и даже тысяча акров парусины весит меньше бочки с топливом. Такелаж намного тяжелее.

– Это сработает, – сказала Прозор, сильно нахмурившись, как будто прокручивала все детали плана в голове. – Пристального изучения не выдержит, особенно если попадется знаток парусного дела, но весь фокус в том, чтобы нас и не рассматривали.

– Очень не хотелось бы вас огорчать, – сказала Сурт, – однако нам следует разобраться не только с парусами. Вы видели, на что мы похожи? – Она подалась вперед, чтобы подчеркнуть свою точку зрения. – На то, чем и являемся, – на пиратский корабль! Это ведро с гайками снаружи выглядит коллекцией кошмаров благодаря шипам и прочим жутким аксессуарам, которые Боса сочла нужным прицепить к корпусу.

– Согласна, – кивнула я, вспомнив, как мы возвращались на корабль после похода в шарльер. – Это серьезная проблема.

– Сколько времени лететь до Колеса Стриззарди? – спросила Прозор, логично предполагая, что я уже все рассчитала.

– Пять недель. Тридцать пять дней, плюс-минус один-два. До Катромила, если понадобится, доберемся немного быстрее.

– Мы и близко не подойдем к тому месту, где к Босе испытывают столь сильные чувства, – заявила Страмли, потирая шею так, словно уже чувствовала на ней веревку.

Прозор задумалась. Она кое-что знала о том, как составить хитроумный план.

– Справимся, – сказала, наконец. – Настройка парусов – не совсем детская забава, но ведь и мы не дети. Если обманули Босу – ведь получилось же, – то сможем обмануть и олухов на Колесе Стриззарди, особенно с учетом того, что не хотим причинить им никакого вреда. А что касается корпуса – то, что было закреплено, можно и открепить, было бы желание.

– За пять недель? – с сомнением проговорила Сурт. – Даже меньше, ведь нам нужно будет выглядеть прилично, когда на нас посмотрят в телескоп или увидят на экране подметалы, на достаточно близком расстоянии.

– Стоит только начать, и все выйдет славненько, – заверила ее Прозор.

Сурт рассеянно поковыряла бутерброд и принялась, как будто улавливая запах плесени сквозь щедро намазанное на хлеб масло.

– Наверное, недели – лучше, чем месяцы, даже если придется стереть пальцы до пеньков. Уйдем мы с этого корабля или нет, припасы давно пора обновить.

– Согласна, – сказала я и позволила себе тихонько перевести дух, чувствуя, что сумела склонить экипаж к самому разумному из возможных планов. – Нам необходимо туда попасть, независимо от чьих-либо личных намерений. Но мы все равно должны четко осознавать риск. Может быть, он не такой существенный, как в вариантах с Метериком и Катромилом, но никто не встретит нас с распростертыми объятиями, если возникнет хоть малейшее подозрение о связи с Босой. – Я глотнула чаю и продолжила: – Пока что время на нашей стороне, но слухи пойдут, и все кусочки сложатся. Нужно использовать наше преимущество, пока возможно, и это означает, что мы должны побыстрее добраться до Колеса Стриззарди, позаботившись о том, чтобы наш корабль не внушал страх. – Я кивнула всем по очереди. – Соглашусь с Проз: мы справимся, если не будем сидеть сложа руки и чесать языки.

– А твоя сестра? – спросила Страмли. – Она спокойно воспримет этот маленький мятеж и отказ от ее предпочтений?

– С Фуры сама разберусь, – пообещала я.

* * *

Я пришла к ней в каюту и несколько секунд изучала ее профиль, склоненный над журналами и резко выделяющийся на фоне пляски огоньков Паладина. Во второй раз возникла иллюзия, что я забрела к сестре, когда она была моложе: она восторженно погрузилась в книгу с картинками или головоломку, ее воображение устремилось к горизонтам за обоями, гостинными и лестницами, с которыми мы были так хорошо знакомы.

Каким бы ни было приключение, которое, по мнению Фуры, она заслужила, сестра переживала его сейчас. Прекрасный черный корабль под парусами, команда, выполняющая ее приказы, робот с разумом солдата на борту и все миры Собрании в ее распоряжении. И я спрашивала себя, не хочется ли ей, чтобы жизнь сложилась немного иначе. Проявив достаточно свирепости и решимости, можно заполучить то, чего больше всего жаждешь. Однако подобные победы часто сопровождаются осложнениями и муками, которые никто не принимает в расчет.

– Они согласились, – сказала я.

Фура оглянулась, и на ее лице вновь появилось жесткое выражение, как будто неподатливая маска проступила сквозь кожу.

– Значит, мы едины во мнении, что Катромил – лучший выбор?

– Не совсем так, – ответила я, чувствуя, что следует поскорее закончить с плохими новостями. – Они согласились, что Метерик – слишком рискованный вариант, учитывая все обстоятельства, и требует значительного расхода топлива. Но я рассказала, как народ Катромила обижен на Босу, и эту новость приняли не очень хорошо.

– В Собрании нет ни одного мира, где Босе были бы рады, Адрана.

– Я знаю, что это вопрос степени. Но сжигать чучела Босы – это уже чересчур, и, честно говоря, я не могу не согласиться с командой, раз уж нашлась альтернатива, в той же степени полезная, да и добраться к ней будет тоже просто.

Она прищурилась:

– Ты ведь внесла свою лепту?

Я медленно кивнула:

– Высказала мнение, на что имела полное право. Однако выбор был сделан свободно. Нет смысла делегировать решение, если не готов принять результат.

– Да, – произнесла Фура. Она вдруг затрепетала, словно сдерживая мощную ярость; я смотрела на сестру, а видела бочку с ракетным топливом, готовую взорваться. – Ты права... и я его принимаю. Я бы предпочла Катромил – если бы мы постарались, то избежали бы любых подозрений в том, что связаны с Босой. Но раз команда выбрала Колесо Стриззарди, я покорюсь. – Она взглянула на бумаги: плотный текст, написанный ее рукой, сопровождали запутанные вычисления из области небесной механики. – Значит, пять недель.

– Тиндуф предложил замаскировать сам корабль, в дополнение к парусам. Прозор согласна.

– Тогда мы немедленно направимся к Стриззарди. Ты... оценила погоду? В том смысле, кто где захочет остаться?

Я заметила, что, когда мы беседовали с глазу на глаз, сестра в какой-то степени отказывалась от спектакля, который разыгрывала для других. Она изъяснялась правильнее, а не так, словно родилась в рундуке космоплавателя. Как будто в глубине души понимала, что мы все еще играем в некую игру с переодеванием, которая началась в ту ночь, когда мы бросили отца в Зале Истории, и которая иногда приводила к смерти и увечьям.

– Трудно сказать. По-моему, Прозор с нами надолго, и не похоже, чтобы Тиндуф торопился уйти. От выводов насчет Страмли и Сурт воздержусь. Может, им требуется лишь возможность уйти – и, заполучив ее, они с радостью останутся на борту.

– А ты, раз уж мы заговорили об этом?

– Я еще не закончила с нашей маленькой эскападой, Фура. Как и ты, я хотела бы увидеть немного больше. Но если смотреть дальше следующих пяти недель, то все зависит от того, какова наша цель.

– У нас есть корабль и команда. Я думала, что наша цель ясна.

– Для тебя – возможно.

Ее взгляд был пытливым, но не враждебным.

– Я не вижу, в чем заключается трудность.

– Вот в чем, – сказала я. – Если не считать того, что нам не хватает пары компетентных разумников, мы готовы участвовать в той же игре, что и любой другой капер. Взламывать шарльеры, находить сокровища, продавать их на мирах – зарабатывать себе на жизнь таким образом, со всеми взлетами и падениями, которые связаны с профессией.

– Вот почему я так стремилась заполучить те бочки с топливом, – сказала Фура.

– Не сомневаюсь, что у тебя были планы насчет топлива. Уверена, ты не прочь взломать еще пару шарльеров. Но я думаю, что в твоей голове крутятся идеи, выходящие за рамки обычного каперства.

– И какие же?

– Что-то более грандиозное и, вероятно, более опасное. Я знаю тебя, сестра. Может, не так хорошо, как раньше, но достаточно хорошо, чтобы распознать озабоченность. То, что Боса поведала тебе о пистолях незадолго до смерти, не идет у тебя из головы.

– Будет лучше, если я все это проигнорирую, верно?

– Ее дело – ее безумие – не обязано стать нашим.

– О, я могу держать Босу на расстоянии вытянутой руки, – сказала Фура небрежно. – Мне хватит компании светлячка – в моем черепе нет места для еще одного подселенца.

– Надеюсь, ты в этом уверена.

– Еще как. Она ведь не меня пыталась обратить, помнишь? Не считая краткого периода в конце ее жизни, после того как я спасла тебя, мы с Босой были едва знакомы.

– Да, – сказала я, размышляя о том, что она сделала с Босой. – Но, с ее точки зрения, ты с лихвой компенсировала это.

– Послушай, – произнесла Фура более рассудительным тоном, – я не строю никаких предположений относительно этих пистолей. Но если они и существуют, то это все равно краденые деньги, правильно? Возможно, вся эта болтовня о мертвых душах, запертых в пистолях, – просто чушь. Как ты и сказала, Боса пошла бы на все, чтобы купить себе еще несколько вдохов. Но надо быть глупцом, чтобы отвернуться от склада с пистолями, если он принадлежит нам.

– Мм... – протянула я, не убежденная этим внезапным переходом к хладнокровной жадности. – А как, собственно, мы распорядимся этими деньгами?

– Если Боса грабила корабли так долго, как гласит легенда, то в ее тайнике могут без дела лежать миллионы многомерных пистолей. – Сказано это было с тихим благоговением. – Они наши, Адрана. Мы могли бы поделить их между членами команды и разойтись. Никто не узнает, откуда они взялись. Пистолы тем и хороши, что их нельзя ни пометить, ни отследить. И пока мы будем тратить свои доходы осторожно, чтобы не обесценить пистолы, уже имеющиеся в обращении, сможем жить хорошо.

– Рада, что ты все обдумала.

– Просто поразмыслила как следует, душа моя. Но можно сделать и нечто большее, чем просто почивать на лаврах. Помнишь, как плохо банки обращались с нашим бедным отцом? В кои-то веки у нас появились бы рычаги воздействия на них, сестра. Финансовая мощь, о которой наши дорогие покойные родители и не мечтали. Отец всегда платил свои долги – он был слишком горд, чтобы этого не делать. Но когда он нуждался в ссуде, чтобы ухаживать за матерью или позаботиться о своем здоровье, разве кто-нибудь его пожалел? Он был прекрасным, гордым человеком, и банки вознаградили его за честность и преданность бессердечным пренебрежением. – Она шмыгнула, по переносице пролегли морщинки. – Мы могли бы стать силой в Собрании, с которой ему пришлось бы считаться. Разве это не прекрасно?

– У тебя всегда получалось находить оправдания для любого поступка.

– Это ведь ты заломила мне руку и заставила сбежать из дома.

– Что перевернуло нашу жизнь с ног на голову. – Я вздохнула, не желая ссориться с Фурой. Было время, когда я выигрывала любой спор, будучи на десять месяцев старше и хитрее, но сейчас это преимущество мало значило. – Но все эти разговоры – лишь предположения. Ты абсолютно не представляешь себе, с чего начать поиски сокровищ.

– Уверена, что она никогда не упоминала о них при тебе.

Я снова вздохнула, задаваясь вопросом, сколько раз мы уже проходили через это.

– Боса лелеяла меня как возможную преемницу, не раскрывая всех своих тайн. И мы не посетили ни один шарльер, ни один мир между тем моментом, когда меня похитили, и тем, когда ты пришла за мной.

– Не важно. – Фура бросила взгляд на лежащие на столе журналы. – Годный ключ к этой тайне должен находиться где-то на корабле. Паладин рано или поздно найдет его; нет ничего, что он не смог бы найти, имея достаточно времени. Но он должен быть осторожен – нельзя

торопить события. Может, корабль и не такой разумный, как Паладин, но все равно в нем есть какая-то хитрость. Есть вероятность, что он запутает или сотрет свои секреты, если заподозрит вмешательство.

– Я думала, это наш корабль.

– Так оно и есть – телом он наш, но вот душой – не вполне. Но не бойся, сестра. Мы будем осторожны и внимательны и очень скоро добьемся его верности. И заставим выдать свои богатства.

– Я слушала кости, – сказала я небрежно, подумав о том, что с удовольствием полистала бы эти дневники, представься такая возможность.

Фура неодобрительно взглянула на меня:

– Я считала, что мы договорились.

– Договорились. Ни одна из нас не должна оставаться наедине с черепом. Но он умирает, а ты вечно занята другим. Во всяком случае, я подумала, тебе стоит узнать про мой улов: чужой разум и два слова.

На ее лице отразилась борьба любопытства с раздражением.

– Какие слова?

– «Рассекающая ночь». Старое название этого корабля. Кто-то очень старался не думать о нем, особенно в тот момент, когда почувствовал меня.

– Тебе не следовало...

Я оборвала ее мягким, уверенным тоном:

– Я знала, что ты не обрадуешься, и хорошенько подумала, прежде чем говорить. Остальным я пока ничего не сказала, они и так достаточно напуганы. Но я думаю, можно извлечь несколько выводов из этого названия. Кому-то известно, кто мы такие, и я твердо убеждена, что разум, который я почувствовала, находится на корабле, который дал локационный импульс и парусную вспышку, замеченную Сурт. Нас преследуют. И я могу предположить только одну причину, по которой кто-то мог на такое решиться.

– Нас хотят захватить, – произнесла Фура с чем-то вроде благоговения в голосе. – И верят, что у них получится.

Глава 7

Мы повернули к Колесу Стриззарди. Мы теперь возвращались в Собрание длинным параболическим маршрутом, лавируя в потоке, исходящем от Старого Солнца. Меняли наш угловой момент и тем самым медленно и кропотливо осуществляли небесный эквивалент поворота оверштаг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.